

НЕ НАМ, ГОСПОДИ, НЕ НАМ,
НО ИМЕНИ ТВОЕМУ ДАЙ СЛАВУ

**«НЕ НАМ, ГОСПОДИ, НЕ НАМ,
НО ИМЕНИ ТВОЕМУ
ДАЙ СЛАВУ»**

**МОСКВА
2010**

Автор-составитель
Георгий Баловленков

Книга посвящена рассмотрению исключительного по своей значимости и таинственности вопроса о почитании непостижимого Имени Божия, который Св. Синод в 1913 году разрешил с изумительным легкомыслием и жестокостью по отношению к афонским инокам-имяславцам. Имяборцы, как справедливо выразился новомученик Михаил Новосёлов, «...дерзнули посягнуть на тот нерв Церкви, в который сходятся все прочие нервы, на тот догмат, в отрицании которого содержится отрицание всех догматов, на ту святыню, которая лежит в основе всех святынь церковных».

Многие до сих пор не хотят вникнуть в этот великий спор о Имени Божиим и обходят его стороной, словно боясь обжечься, хотя в правильном решении его сокрыто наше религиозное настоящее и будущее, простирающееся в вечность.

ISBN 978-5-9902499-2-9

© Ю.В. Баловленков, 2010.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2009 году была завершена книга по Царской теме, составленная по моим архивным материалам и дневниковым записям за 1992–2007 годы: «Божии знамения, святые отцы и старчество в создании “Русской идеологии” и в прославлении Царственных мучеников для восшествия на Российский престол Богоизбранного царя».

И сразу же передо мной встал вопрос об изучении проблемы имяборчества, от разрешения которой, как говорили духовные отцы, во многом будет зависеть и будущее возрождение Святой Православной Руси. До этого момента о имяборчестве мне было известно немного: в начале XX века на Святой Горе Афонской имяславцы выступили с утверждением: «Имя Божие есть Сам Бог» – и почитанием Имени Иисуса Христа как Самого Бога. Спор между имяславцами и имяборцами закончился осуждением в 1913 году Св. Синодом имяславцев и изгнанием более восьмисот русских монахов с Афона. Однако при всей важности этого вопроса серьёзного соборного рассмотрения он так и не получил до сего дня.

Пройдя через дивные события, произошедшие со мной в 80-е годы, я никогда не сомневался в том, что в Имени Божием в полноте пребывает Сам Бог. Первый случай произошёл в августе 1985 года через

месяц после окончания стодневной голодовки-протеста в составе группы «Разделённых семей» за право воссоединиться с семьёй, проживавшей за рубежом. По заключению докторов голодовкой я нанёс своему физическому здоровью непоправимый ущерб: в организме произошли необратимые процессы, грозившие инвалидностью.

Чудесным образом утром 11 августа я оказался в деревне Чихачёво Ивановской области, где в церкви служил иеромонах Иоанн. Шла литургия. В церквях в те годы молящихся было мало. Впервые в жизни я решил положиться на волю Божию и принял твёрдое решение: рассказать отцу Иоанну свою многолетнюю историю борьбы за воссоединение с семьёй и поступить так, как он благословит. После службы он пригласил меня на беседу.

Свято-Никольская церковь стояла в пустынном месте – рядом кладбище, всего три старых деревянных дома, а вокруг – лес. Сидя на скамейке среди могил, подле батюшки, я рассказывал ему подробно и долго о своих многолетних злоключениях. Отец Иоанн слушал молча, тяжело вздыхал и молился по чёткам, потом попросил оставить его одного. Я отошёл, сел между верующими и с замиранием сердца ожидал, что скажет батюшка. Наконец он появился. Не обращаясь лично ко мне, отец Иоанн произнёс короткую проповедь, смысл её заключался в следующем: надо всегда пред собой видеть Господа и следовать за Ним, а не за своим «я». Из проповеди я ясно уразумел, что Божиего благословения на продолжение моей борьбы нет.

18 августа, накануне Преображения Господня, я вновь отправился в Чихачёво. Поздно вечером после вечерни решил подойти к отцу Иоанну и поговорить с ним, потому что ждать следующего дня не мог: утром, сразу же после литургии, мне необходимо было уехать. Отец Иоанн стоял неподвижно в лунном свете среди могильных крестов ко мне спиной и молился. Я подождал какое-то время в надежде, что батюшка закончит молиться. Так и не дождавшись, решил идти спать, но в тот же момент услышал: «Что ты там стоишь?» «Завтра уезжаю, пришёл попрощаться», – ответил я. «Подойди ко мне после литургии», – сказал отец Иоанн, но, немного помолчав, повелел следовать за ним.

Время приближалось к полуночи. Наступило Преображение Господне. Мы вышли из церковной ограды. Отец Иоанн, держа в правой руке крест, встал лицом на восток, я – по левую руку от него. Ярко светили звёзды на ночном небе. Неожиданно облако необычайно яркого свечения низко проплыло над нами. Я удивлённо спросил отца Иоанна: «Что это?» Вместо ответа услышал: «Читай “Царю Небесный”». Смутившись, я сказал, что не знаю этой молитвы. Тогда он громко прочёл её, потом начал читать «Отче наш»: *«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...»* И вдруг на словах «*да святится имя Твое*» звёзды исчезли, небо стало бордовым и оставалось таким какое-то мгновение. Я ощутил, будто невидимая сила вошла в моё тело, наполнив неизъяснимой радостью, и почувствовал, что стал совершенно здоров. Отец Иоанн осенил меня

несколько раз крестом и произнёс: «Иди, сын мой, Господь с тобою».

Я шёл по дороге и думал о том, что произошло несколько минут назад: сомнения одолевали меня. Решил вслух прочесть молитву «Отче наш». На словах «*да святится имя Твое*» звёзды вновь исчезли, и небо опять стало бордовым. В этом чуде и страх был, и радость, и Божие величие, и моё ничтожество, и промысл Божий. И всё это я принял как Божие благословение на продолжение борьбы.

Другое чудесное событие произошло в 1986 году. Меня познакомили с Михаилом, который видел ауру человека, описывал её цвета и по ней диагностировал заболевания. В годы перестройки он стал известен и востребован. В одну из наших встреч я решил проверить, что произойдёт, если в то время, когда он будет описывать цвета моей ауры, про себя читать молитву «Отче наш». Он сел на стул в нескольких метрах от меня. Закрыв глаза, я начал мысленно читать молитву, и в тот же момент Михаил сказал, что видит голубой вертикальный луч, исходящий из моей головы. Как только я прекращал чтение, то он отмечал, что луч исчезает, когда вновь продолжал, Михаил опять видел голубой вертикальный луч. Он был удивлён периодическим появлением и исчезновением вертикального луча, но я так и не сказал ему, что происходило это в те моменты, когда читалась молитва «Отче наш». С тех пор я глубоко убеждён, что во время чтения молитвы, которая дана нам Самим Господом, с человеком происходит необыкновенное действие, в котором присутствует Сам Бог.

Изучив дореволюционные книги и документы по вопросу почитания Имени Божиего, я осознал, что именно имяборчество стало одной из главных причин, которая навлекала на страну нашу великий гнев Бога и предала русский народ на великие скорби и страдания, оставив его без Помазанника Божиего.

Ныне очевидно, что именно в афонском споре отобразились те духовные болезни, которые стали причиной и революции, и обновленчества, и сергианства, и экуменизма – всех внешних бед, проистёкших из-за пренебрежения Богооткровенным учением Церкви и в первую очередь хулы Имени Божия.

Важнейшая задача после восшествия на Российский престол Богоизбранного царя – содействовать созыву Поместного собора для решения вопроса о почитании Имени Божиего, так как во все времена христианства считалось самой первой обязанностью истинной императорской власти и всего императорского служения – заботиться о благоденствии Церкви, защищать святыне догматы и охранять Православную Церковь от еретиков.

*Памяти святого праведного Иоанна
Кронштадтского, схимонаха Илариона,
иеросхимонаха Антония, схиигумена Арсения,
Михаила Новосёлова и других имяславцев –
воинов Христовых – посвящается*

«Христово Имя вечно и выше ума человеческого», – сказал священномученик Василий во время пыток императору-отступнику Юлиану, правившему в IV веке.

«Сам Иисус был камнем преткновения для многих; проповедь о Нём была камнем преткновения; Крест Его был камнем преткновения; как же святейшему Имени Его не участвовать в тех же обстоятельствах?» – писал святитель Игнатий (Брянчанинов). Споры об Имени* Божиим, разгоревшиеся на Святой Горе почти век назад, затронули те принципиальные понятия, исходя из которых только и может должным образом восприниматься Божественное Откровение.

* Данная работа посвящена богословскому вопросу о почитании Имени Божиего, поэтому было решено слово «имя» писать с прописной буквы, за исключением цитат из Священного Писания, где оно пишется со строчной. С прописной буквы слово «имя» писали святители и многие другие авторы в своих работах, посвящённых этому же вопросу. (Здесь и далее примечания автора.)

Поводом для споров оказалась впервые изданная в 1907 году книга схимонаха Илариона «На горах Кавказа. Беседа двух старцев пустынников о внутреннем единении с Господом наших сердец через молитву Иисус Христову, или Духовная деятельность современных пустынников». Книга была посвящена Иисусовой молитве и не содержала в себе чего-либо необычного по сравнению с известным святоотеческим учением, но была написана из опыта этого делания и имела целью расположить к нему современных иноков и всех верующих. «На горах Кавказа» получила одобрение Духовно-цензурного комитета и активно рассылалась по монастырям. Второе издание осуществлялось на средства преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны. Право на последнее, третье, издание было приобретено у автора Киево-Печерской лаврой, и вслед за этим книга была напечатана небывалым для того времени тиражом – 10 000 экземпляров.

Интересен рассказ самого отца Илариона о тех условиях, в которых рождался этот труд: «Можно ли представить те неудобства вообще для литературных занятий, кои неизбежно находятся в нашей пустынной жизни? Нет у нас – вообще у всех пустынников – удобного помещения, но какая-нибудь убогая хата, сплетённая из древесных ветвей, обмазанная глиной, с тёмными окнами, едва дающими возможность заниматься писанием; часто бывает – нет приличных ни стола для писания, ни стула для сидения, ни света для освещения ночью... Приходилось писать в лесу, как-нибудь пристроясь на упавшее от ветра дерево или на пне, или же просто лёжа грудью на земле. Где

возьмём в пустыне нужных книг для писания? Их нет всецело. Где советник, могущий разрешить недоумение в часы душевного омрачения? Я совершенно одиноким должен обдумывать и решать все недоумённые вопросы».

Несмотря на все трудности, возникшие при написании книги, она была принята церковной общественностью с огромным интересом. Появление её на свет многими было расценено как значительный вклад в развитие аскетической литературы и даже, скорее, как точное отражение святоотеческого учения в условиях жизни монашества начала XX века.

Для понимания читателем сути спора о почитании Имени Божиего приведу выдержки из тех глав книги «На горах Кавказа», в которых автор размышляет о силе, могуществе и спасительности непостижимого Его Имени: «Прежде всего нужно утвердить в себе ту непреложную истину, согласную как с Божественным Откровением, так и со здравыми понятиями разума, что в Имени Божиим присутствует Сам Бог – всем Своим существом и всеми Своими безконечными* свойствами. Конечно, это нужно разуместь духовно, – сердцем просвещённым, а не тем плотским разумом, который, незаконно вторгаясь в духовную область, желает телесно осязать духовные предметы и, не понимая, возражает: *Как Он может дать нам есть плоть Свою?* (Ин. 6, 52). Господь говорит: *Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух* (Ин. 3, 6), то есть духовные предметы понимаются духовно, при свете благодатного их озарения...

* В данной работе вместо современной приставки «бес» использовано дореволюционное написание «без».

Когда человек, движимый Божественным мановением, со всем зависящим от него старанием, не жалея трудов и времени, будет призывать умом или устами Имя Божие священной Иисусовою молитвою: *“Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго”* – и вместе с этим будет исполнять по силе возможности и Евангельские заповеди, то бывает с ним некое дивное дело. Имя Господа Иисуса Христа как бы воплощается, человек ясно ощущает внутренним чувством своей души в Имени Божиим Самого Господа. Это ощущение Самого Господа и Его Имени сливается в тождество, по коему невозможно бывает отличить одно от другого.

Близость Бога к человеку озаряет обильным благодатным светом наши естественные силы: просвещает ум познанием воли Божией, в волю влагает силу и бодрость ко исполнению Божественных законов, а сердце соединяет с Богом теснейшими узами сладчайшей любви...

Вселение Христа и пребывание Его в нас неизбежно знаменуется Божественною жизнью, движения коей, выражаемой действиями любви, наполняют всю нашу душу сладчайшими ощущениями Божества, в которых дух наш получает полное и всецелое удовлетворение своим вечным бессмертным стремлениям, и сердце достигает последнего края всем своим потребностям, желаниям, чаяниям. Далее идти некуда и не за чем. В Боге – цель всего сущего. Признаками сего высокого состояния служат: омертвление для мира и оживление внутреннего человека на духовные и святые дела, жажда вечных благ; ум бывает тогда возвышен над тварью, и ему покорены все чувства души и тела.

Однако нелегко ощутить или как бы осязать внутренним чувством своей души Божество в Имени

Иисус Христос. Это есть высочайший дар Божий, потому что тогда бывает действительное общение нашей души с Господом и сердечное с Ним единение.

Сын Божий во святом Своём Имени весь и всецело пребывает всеми Своими совершенствами и всю полнотою Своего Божества...

Согласно такому понятию об Имени Господнем прекрасно рассуждает протоиерей Иоанн Кронштадтский в своей книге “Моя жизнь во Христе”: “Тебя зовут, например, NN. Если тебя назовут этим именем, ведь ты признаёшь себя всего в нём и отзовёшься, значит, согласен, что имя твоё – ты сам с душою и телом, – так и святые; призывая имя их, ты призовёшь их самих. Но у них нет тела. Что из того? Тело только вещественная оболочка души, дом её, а сам человек – есть душа; когда и тебя зовут по имени, не тело твоё отзывается, а душа твоя, посредством телесного органа. Итак – Имя Бога всемогущего – есть Сам Бог – Дух вездесущий и препростой”...

Имя Иисус Христос от вечности хранилось в Троичном Совете неведомого Божества, даже до дня своего явления в мир, его принёс Архангел Гавриил на землю. В вечности на Небесах Единый Бог: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой; и если там пребывало Имя Иисус, то, стало быть, оно и есть Бог, потому что там ничто тварное быть не может. По явлении своём на земле оно облагодухало всю вселенную и низвело на землю мир и благословение. Его трепещет всякая тварь, как своего Владыки, Творца и Господа; ужасаются и бегут демоны, им разрушаются твердыни зла и беззакония и сияют на земле святыня, добродетель и благочестивое житие, потому что в Имени сём пребывает всемогущий Бог всю Свою Божественною полнотою и Своими безконечными совершенствами...

В Деяниях Апостольских написано: *Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый. И был человек, хромой от чрева матери его, которого носили и сажали при дверях храма просить милостыню... Но Петр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи. И, взяв его за правую руку, поднял; и вдруг укрепились его ступни и колена, и, вскочив, стал, и начал ходить, и вошел с ними в храм, ходя и скача, и хваля Бога (Деян. 3, 1–8). И далее Пётр сказал народу: И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие пред всеми вами (Деян. 3, 16).*

В Деяниях Апостольских рассказано, как апостол Павел изгнал беса из женщины, одержимой духом прорицательным: *Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения. Это она делала много дней. Павел вознегодовав обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час (Деян. 16, 17–18).*

Само Имя Господа Иисуса Христа содержит в себе чудодейственную силу и, произнесённое с верою, производит дела вышеестественные, превышающие законы естества.

На Имени Иисус Христос держится и вера наша Православная, и всё церковное богослужение, всякий чин, его обряд и порядок, и всё молитвенное последование, – всякий христианин, моляся, обязан непременно возносить свою молитву к Сыну Божию. Он Сам заповедал: *О чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам (Ин. 16, 23).* Апостол говорит: *Ибо нет другого имени под небом, данного че-*

ловекам, которым надлежало бы нам спастись (Деян. 4, 12). И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется (Деян. 2, 21)... К тому же сие есть одно из высших средств для борьбы с сопротивными силами, как говорит преподобный Иоанн Лествичник: “Бей невидимых супостатов Именем Иисуса, крепче этого оружия не обрящешь ничего”.

Во время жизни Иисуса Христа на земле священники, книжники и фарисеи питали к Нему такую ненависть, что даже не могли называть Имени Его. Это как тогда, так и теперь есть не что иное, как враждебность тьмы ко свету, ненависть зла к добру...

Одна из главных причин поношения и уничижения высочайшего делания Иисусовой молитвы состоит в том, что некоторые хотят соединить в своём сердце невозможное: и свет, и тьму. Они хотят иметь в себе свет Небесный, и радость о Духе Святом, и все другие плоды духовные от сей молитвы, на нас изливаемые, и в то же время не желают отстать от греховных своих привычек и, что всего хуже, впадают даже в смертные грехи. От этого столкновения света со тьмою происходит в их уме сильнейшая борьба, которая помрачает их разум, и они впадают в помешательство своего ума, чем и служат соблазном и преткновением сему святейшему делу, конечно, не для всех, но только для слабых и ещё вполне не познавших всей силы сего спасительного дела.

Люди с плотским разумом, которые читают Закон Божий телесно, хотят видеть в этих заблуждениях причину к осуждению Иисусовой молитвы, безстыдно говоря, что происходит сие от упражнения ею. Но Господь говорит: *Именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не*

повредит им; возложат руки на больных, и они здравы будут (Мк. 16, 17–18)...

В житии священномученика Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского рассказано, что когда воины вели его в Рим на смертную казнь за Христа, то он непрерывно произносил устами Имя Господа Иисуса Христа. Воины спросили его, чего ради он произносит сие имя? Священномученик ответил: “Так как сие Имя написано у меня в сердце, то и произношу его устами своими”. И вот, когда по растерзании его зверями остались смотрением Божиим целыми его кости и сердце, мучители вспомнили слова Игнатия и сказали: “Посмотрим, действительно ли, как он говорил, в сердце у него написано имя Иисуса Христа”. Разрезали сердце и там нашли золотыми буквами написанные слова: “Иисус Христос”.

Господь наш Иисус Христос, совершив таинство Спасения нашего, вознёсся на Небо и воссел одесную Отца. Вознесясь, Он оставил на земле всемогущее Имя Своё, полное благодати и истины, возвещая, что Имени Его присуща точно та же Божественная власть, сила и свойства, как и Ему Самому – Всемогущему Богу.

С тех пор Имя Иисус Христос легло во основание и корень всякому христианскому богослужению и нашему служению Богу. Оно как солнце озарило всю вселенную и наполнило сердца людей светом Боговедения: пустынные горы, леса и непроходимые дебри наполнились молитвенниками и отшельниками... В первые века Именем Иисуса Христа совершались пред лицом всего мира величайшие знамения и чудеса, и это заставляло питать к Имени Божию глубочайшее благоговение и уважение...

В Имени Своём Святом являет Господь присутствие Своё тем из людей, кои любят Его, носят в

сердце Его святейшее Имя, в коем приобщаются святыни Его, блаженства и вечной жизни. Только сии избранники Божии, которые достигли общения с Господом Иисусом Христом чрез непрестанную молитву святейшим Именем Его, могут свидетельствовать пред всем миром, что Имя Господа Иисуса Христа есть Он Сам.

В Имени Иисус Христос, по соприсутствии в нём Самого Сына Божия и по неотделимости сего Имени от лица Его, находится Божественная вечная жизнь – блаженная, Небесная, и будет жить вечно всякая спасённая душа человеческая, как Он говорит: *Пребудьте во Мне, и Я в вас* (Ин.15, 4).

В книге Константинопольских Патриархов Каллиста и Игнатия Ксанфопулов в 50-й главе говорится, что опытные в духовной жизни мужи, достигшие в ней высоты совершенства, свидетельствуют о себе, что всё их моление и молитва ко Господу Иисусу Христу заключается в одном слове “Иисусе”, или в двух “Иисусе Христе”, или в трёх “Господи Иисусе Христе”. Глагол сей, говорится далее, они объемлют духом своим и лобызают сердцем своим, как полное делание молитвы, и чрез это одно бывают исполняемы сладости неизреченной, всякий ум, всякое видение и всякое слышание превосходящей.

Почему же во глаголе сём “Иисус” они находят всецело полную духовную жизнь и Божественное чувство, так что не имеют нужды обращаться к другим молитвам? Это потому, что Имя Иисус есть для них Сам Господь Иисус Христос. И по словам святого Макария Великого, они прикасаются духом своим к Самому Господу, бывают с Ним, – по апостолу, – един дух...

Подтверждение всему вышесказанному отчасти можно видеть в следующем кратком учении святых

отцов: “Чтобы узреть в сердце свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов, погрузить ум внутрь сердца и вопиять: *“Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго”*. Тогда, по мере усердия и горячности духа к возлюбленному, находит человек в призываемом Имени услаждение, которое возбуждает желание высшего просвещения. Когда человек созерцает внутренне свет вечный, то ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений, но, весь будучи углублён в созерцание не созданной доброты, забывает всё чувственное, не хочет зреть и себя, но желает скрыться в сердце земли, чтобы не лишиться сего истинного блага – Бога”...

“И что много глаголать? Молитва есть Бог, действующий везде и во всём”, – говорит святой Григорий Синаит. А святой Иоанн Златоуст пишет: “Непрестанно пребудь в Имени Господа Иисуса, да поглотит Господь сердце, а сердце – Господа: и будут два едино”».

Известна высокая оценка, данная книге «На горах Кавказа», оптинским старцем Варсонофием. Историю её появления он описывает следующим образом: «Есть прекрасная книга, описывающая действие молитвы. Происхождение её таково. В Старом Афоне жил один старец, по имени отец Дисидерий. Когда там поднялись волнения, и жизнь русских иноков стала слишком тяжела, и им грозили выселением с Афона, тогда произошло совещание русских афонцев о том, что делать. Голоса разделились. Некоторые предлагали обратиться в Лондон, к английской королеве с просьбой продать им земли в Австралии для устройства там новой обители. Но это предложение было отвергнуто, а остановились на другом, а имен-

но – переселиться на Кавказ. Здесь император Александр II пожертвовал бесплатно участок земли и здесь основан был “Новый Афон”. В числе других иноков, переселившихся сюда, был отец Дисидерий. Но скоро шум общежития стал его тяготить, и он удалился в горы Кавказа для безмолвия, удалился не самочинно, а с благословения старцев. Здесь он проводил поистине равноангельскую жизнь. Чем он питался, трудно сказать, был, кажется, у него огород, значит, овощи служили ему пищей и питьём. Здесь познал он истинное счастье, которое состоит в общении души человека с Богом и которого напрасно ищут люди, гоняясь за скоропреходящими радостями мира сего.

Отец Дисидерий имел одного ученика (*схимонаха Илариона – прим. автора*), с которым и вёл беседы о внутреннем делании, то есть об Иисусовой молитве. Когда отец Дисидерий умер, ученик похоронил его святое тело. Беседы их он постепенно записывал, и когда к нему пришёл третий афонец отец Венедикт, то нашёл все эти беседы в рукописях. Ему пришлось в голову издать их, и с этим предложением он приехал к нам в скит.

Не имея средств, достаточных для этого предприятия, я направил его к великой княгине Елизавете Феодоровне, которая и доставила ему возможность издать эту прекрасную книгу. Несколько экземпляров её есть у меня, и я могу дать кое-кому. Эту книгу надо прочесть несколько раз, чтобы вполне воспринять всю глубину её содержания. Она должна доставить громадное наслаждение людям, имеющим склонность к созерцательной жизни. Дай Бог, чтобы чтение это принесло вам не только высокое духовное наслажде-

ние, но также и помощь в деле спасения своей души. Аминь».

Книга схимонаха Илариона «На горах Кавказа» получила живое одобрение насельников различных пустыней, в особенности же афонских отшельников, интерес которых к труду отца Илариона был вызван, во-первых, излагавшимся здесь практическим учением старца о молитве Иисусовой, во-вторых, тем, что отец Иларион был выходцем из Свято-Пантелеимонова монастыря и многих монашествующих знал лично; кроме того, живое описание Кавказской пустыни также не могло не заинтересовать святогорских иноков.

Однако архиепископ Антоний (Храповицкий) в книге схимонаха Илариона не нашёл ничего, кроме «самообольщённого мечтания», обещающего «приближение Божества помимо церковного благочестия и без напряжения нравственного», а учение Илариона и его сторонников о том, что «Имя Божие есть Сам Бог», архиепископ счёл «бредом сумасшедших».

В то же время на Афоне образовалась группа монахов, состоящая по большей части из тех, кто до принятия монашества получил богословское или светское образование, не принявших мысли и рассуждения схимонаха Илариона об имени «Иисус», назвавших его примитивным мудрованием «фиваидских мужичков»*, выдумавших свой «догмат». Возражения вызвал в первую очередь тезис «Имя Божие есть Бог», воспринятый отцом Иларионом из сочинений святого праведного Иоанна Кронштадтского. Про-

* Речь идёт о насельниках Святого Афона, которые проживали в скиту Фиваида.

тивники имяславцев говорили о том, что Имя Божие – номинально и присуще только сознанию: «Реально – ни духовно, ни материально имя само по себе не существует... такова его сущность»; «Имя есть лишь условный знак, символ предмета, созданный самим человеком».

Имяславцы же говорили не от науки, но из опыта и излагали то учение, которое они почерпнули не из книг, а из непосредственного общения с Богом. Точка зрения имяславия: «Мы говорили и говорим, что Имя Божие есть Сам Бог, Имя Господа Иисуса Христа есть Сам Господь Иисус Христос, понимая сие не в смысле обожествления тварного Имени, но понимая духовно, в смысле неотделимости Имени Божия от Бога при призывании Его и в смысле истины Богооткровенной, которая есть действие Божества».

По концепции имяславия Имя Божие есть Божественная истина, то есть Сам Бог – энергия Премудрости и истины Божества, словесное действие Божества. Оно Божественно, свято Само в Себе. Ему, как действию Божию, принадлежит Божественное достоинство по существу, а не по благодати. Оно есть Божественная сила.

Противники имяславия настаивали на «новоявленном» характере этого учения и его несвязанности с общецерковным мировоззрением. В видении же имяславцев учение о Божественности и достопоклоняемости Имени Божия – традиционное святоотеческое учение, которое коренится в глубинах православной духовности.

В центре внимания спора находилось обсуждение вопроса о том, может ли Имя Господне прирав-

ниваться к простому «священному словесному символу», от которого существенно не зависит тайна нашего богообщения и спасения, или же оно есть необходимейшее и реальное Божественное звено, служащее для нашего соединения с Богом, как полагали имяславцы.

Суть спора состояла в следующем:

– Подобаает ли почитать Имя Божие за Божественное Откровение и в этом смысле за Божественную энергию и Божество, или же считать Его только словесным символом тварного происхождения, только напоминающим о Боге, как полагали имяборцы.

– Подобаает ли верить в действительную силу Имени Божия в таинствах, чудесах и молитве, как думали имяславцы, или же видеть в нём простое человеческое слово, не имеющее в себе никакой Божественной силы и не дающее именуемому реального соприкосновения с Самим Богом, как считали имяборцы.

– Подобаает ли Имени Божию воздавать боголепное почитание, отдавать ему всякое почитание как Самому Богу, не отделяя в своём сознании Имя Божие от Бога, как делали имяславцы, или же только относительное поклонение, к чему склонялись имяборцы.

Святые отцы учат, что в действительности Сама сущность Божия из-за непостижимости её человеком им неименуема, потому что ограниченная природа творения не может познать естество Своего Творца. В этом смысле человеку Бог не являет собственного Имени Своей сущности, однако таковое Имя у Бога есть. В Откровении Иисуса Христа, которое Он послал через Ангела Своего апостолу Иоанну, сказано:

Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого (Откр. 19, 12).

По учению святых отцов открытие Богом Себя людям Божественными Именами Своими есть явное действие Божие, что по-гречески называется Божественной энергией, ибо, открывая Свои Имена людям, Бог «рече», «дарова», «явих». При явлении какого-либо Имени Своего Господь непременно действует Сам, прямо называя Своё Имя человеку или же совершая определённое действие, которое и являет человеку некоторое Имя Его.

Боголепное почитание Имени Господня с особенною яркостью раскрывается в Псалтыри: *...Свято и страшно имя Его; ...Буди имя Господне благословенно отныне и до века; ...Хвалите имя Господне; ...Прежде солнца пребывает имя Его; ...Имени ради Твоего живиши мя; ...Пойте имени Его; ...Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей и ради истины Твоей.*

Песнь трёх отроков вавилонских с особой неопровержимостью удостоверяет, что Ветхозаветная Церковь наряду с Богом благословляла Имя Его. Эта песнь начинается молитвой пред ввержением их в печь, которая начинается словами: *«Благословен еси Господи Боже отец наших, и хвально, и прославлено имя Твое вовеки»*. Затем они молят: *«Не предаждь же нас... имени ради Твоего... но даждь славу имени Твоему»*... Когда же они были избавлены от огня и преисполнились благодати Духа Святаго, то они ещё более восторженно воспели и Господа, и Имя Его: *«Благословен еси, Господи, Боже отец наших, препетый и превозносимый вовеки, и благословенно есть*

имя славы Твоея святое, и пренетое, и превозносимое вовеки».

Священное Писание открывает нам, что Имя Божие есть действие Божие: *И сказал Господь (Моисею): но жив Я, и всегда живет имя Мое, и славы Господней полна вся земля (Чис. 14, 20–21); И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется (Деян. 2, 21); О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его (Деян. 10, 43).* Таким образом, Имя Божие защищает, пребывает, спасает, очищает грехи людские... Оно есть действие Божие.

В Законе Господнем все хулители Имени Божия определением Его приговорены к смерти: *И сказал Господь (Моисею): кто будет злословить Бога своего, тот понесет грех свой; и хулитель имени Господня должен умереть, камнями побьет его все общество: пришелец ли, туземец ли станет хулить имя Господне, предан будет смерти (Лев. 24, 13, 15–16).*

В Новом Завете Господь открыл нам путь спасения, явив единственную Новую заповедь Бога Отца, коей не было прежде: *А заповедь Его та, чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам (1 Ин. 3, 23).* Только действием Святаго Духа человек познаёт Бога и исповедует славу Имени своего Творца, ибо в Новом Завете сказано, что *Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым (1 Кор. 12, 3).* Господь Иисус Христос в конце Своей земной жизни сказал ученикам: *Утешитель же, Дух Святый, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам (Ин. 14, 26).*

Всё вышеприведённое свидетельствует, что Имя Божие не люди выдумали, а Оно открыто нам свыше, то есть это откровение – действие Божие.

Именем Божиим при соблюдении определённых церковными канонами условий исключительно в лоне Апостольской Церкви Христовой совершаются все семь православных таинств. О величайшем значении, какое имеет именование над нами Имени Господня в таинстве Крещения, удостоверяют нас слова: *«Крещается во имя Отца и Сына и Святаго Духа»*, и завершается оно словами: *«Оправдался еси, просветился еси, освятился еси, омылся еси именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего»* (Омовение), и этим непрерываемо удостоверяется действительность Имени Иисуса Христа в таинствах.

Блаженный Феофилакт Болгарский в своём толковании на Священное Писание, составленном в XI веке, разъясняя суть таинства Крещения во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, учит: *«Имя Иисуса есть Бог, равно как и Имя Отца, и Имя Святаго Духа»*.

Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) пишет, что *«Имя Божие есть сущность Божества в том виде, в каком можно знать её»*. Таким образом, *«сущность Божества»* употребляется людьми как одно из Имен Божиих, ибо только так человеку возможно прославить Божественность, непостижимость, неизменяемость и пресущественность, то есть сверхсущественность естества, исповедуемого этим Именем.

В Послании к Римлянам апостол Павел пишет, что через Иисуса Христа Господа нашего: *мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы* (Рим. 1, 5). Блаженный Феофи-

лакт Болгарский толкует эти строки: «Ибо чудеса творило Имя Христово, и Оно само требует веры, потому что и Его нельзя постигнуть разумом». Святитель Григорий Нисский учит: «Когда скажет одно какое-либо Имя, одним этим безмолвно произносится весь список Имён. Ибо если именуется Господом, не предполагается этим, что не принадлежат Ему и другие Имена; напротив того, в одном Имени Он именуется всеми Именами».

Святитель Дионисий Ареопагит учит: «Все приличествующие Богу Имена всегда воспеваются Писаниями как относящиеся не к какой-то части, но ко всей Божественности во всей её целостности, всеобщности и полноте, и все они нераздельно, абсолютно, безусловно и всецело применимы ко всей цельности всецельной и полной Божественности».

Очень важное положение в православном учении о Имени Божиим утвердил святитель Василий Великий, который учит что «Имя Божие называется святым, конечно, не потому, что в самих слогах имеет некоторую освящающую силу, но потому, что свято и чисто всякое свойство Божие».

По исповедуемой Православной Церковью неслитности и нераздельности Божественного и человеческого естества во Христе Имя Иисус Христос есть Имя Богочеловеческое, неотделимо присущее и Божественному, и человеческому естеству Христа. И в этом Имени Божество обожило человечество. Тому же учит святой праведный Иоанн Кронштадтский: «В Имени Иисус Христос весь Христос, душа и тело Его, соединённые с Божеством».

«Имя Иисус Христос, как Истина о Божественном спасении человечества, является нетварным и вечным. То есть оно искони находилось в тайнике всепредвидения Божия вплоть до вочеловечения Слова. Иисусом же не люди наименовали Его, но явственно наименовал Ангел, который пришёл не по своей власти, но послан был Божией силой», – учит святитель Кирилл Иерусалимский.

Поэтому Имя Иисуса Христа нетождественно и несравнимо с именами человек Иисусов, которые были до и после воплощения Бога Слова.

«Великое Имя Божие заключает в себе Божественные Его свойства, никакой твари не сообщаемые, как то: единосущие, присносущие, всемогущество, благость, премудрость, вездесущие, всеведение, правду, святость, истину, духовное существо и прочие», – говорит о Имени Божиим святитель Тихон Задонский. Преподобный Симеон Новый Богослов свидетельствует: «Очистившись покаянием и потоками слёз и приобщаясь обоженного Тела как Самого Бога, я и сам делаюсь богом через неизреченное соединение. Итак, вот таинство: душа и тело в двух сущностях бывают едины... приобщаясь Христа и пия Его Кровь; соединяясь с Богом моим обеими сущностями и природами, также они делаются богом по Причастию. Поэтому одноимённо и называются Именем Того, Кого существенно приобщились».

Постепенно догматические споры на Святой Горе вылились в постоянные столкновения и конфликты между противоборствующими сторонами. В 1908 году духовник Свято-Пантелеимонова монастыря отец Агафодор также встал на позиции активного неприя-

тия сочинения схимонаха Илариона. Он направляет игумену Андреевского скита Ватопедского монастыря Иерониму экземпляр книги с просьбой найти человека, способного написать на неё критический отзыв. Выбор пал на иеросхимонаха Антония (Булатовича), выделявшегося среди братии своим дворянским происхождением, прекрасным образованием и выдающимися заслугами мужественного офицера и путешественника. Отец Антоний (Булатович) писал: «Игумен Иероним, призвав меня, сказал, что вот он получил из Пантелеимонова монастыря книгу “На горах Кавказа”, о которой ему пишут, что она вредная и написана в духе Фаррары^{*}, и предлагает прочитать её и письменно изложить моё о ней суждение и указать, что в ней худого.

Я во исполнение долга послушания взял книгу, поклонился и пошёл домой, где стал читать её. Дойдя до утверждения отца Илариона, что сущность и действительность молитвы Иисусовой зиждется на силе призываемого Божественного Имени Господа Иисуса Христа, к которому молящийся должен относиться, как к Самому Господу Иисусу, и которое есть Сам Он Господь Иисус Христос, я соблазнился этими слова-

^{*} Фаррара Фредерик Вильям (1831–1903) – архидиакон, доктор богословия англиканского вероисповедания, духовный писатель. Самое известное его произведение в дореволюционной России «Жизнь Иисуса Христа» выдержало десятки переизданий. Книга содержит явно не православные взгляды на жизнь Сына Божиего, Который рисуется более как человек с некоторыми слабостями, чем как Богочеловек. Автор кощунственно рассуждает о том, были ли у Богоматери ещё дети, кроме Иисуса Христа. Из описания им чуда исцеления Гадаринского бесноватого можно заключить, что автор вообще не верит в существование бесов.

ми, и мне они показались неправильными. Но, читая дальше, я увидел прекрасно изложенное святоотеческое учение о молитве Иисусовой. Так как игумен приказал мне письменно изложить моё суждение об этой книге, то я решился, во-первых, написать письмо отцу Илариону, в котором протестовал против этого выражения: “Имя Господа Иисуса Христа есть Сам Господь Иисус Христос”, – ибо для моего несколько отравленного рационализмом ума и тоже оскудевшего страха и благоговения к слову и к Имени Божию соблазнительным показалось, каким образом то имя, которое произносится моими устами и мыслится моею мыслью, может быть Самим Богом. “Не есть ли такое утверждение отца Илариона обожествлением твари?” – подумалось мне. Эти мысли я и высказал в моём письме отцу Илариону и положил письмо под образами с намерением отнести его к игумену и затем послать по первой почте отцу Илариону.

Но когда я написал это письмо, то на меня навалилась какая-то особенная сердечная тягость и какая-то безконечная пустота, хладность и темнота овладели сердцем. Чувствовалось оставление благодатию Божией; молитва сделалась бездейственной, богослужение не доставляло утешения. Я страдал, но причины этого страдания не понимал и не подозревал то, что виной ему было отрицание мною Божества Имени Господня. Очевидно, что и мне предстояло безповоротно отступить от Имени Господня подобно тому, как отступили Хрисанф, Алексей, Феофан и другие интеллигенты и полуинтеллигенты на Афоне и в России, если бы не спасла меня молитва моего незабвенного духовного отца – Иоанна Кронштадтского. От-

пуская меня на Святую Гору, он сказал мне несколько прозорливых предсказаний, относившихся и до сей имяборческой ереси, которые и сбылись, и однажды вручил мне свою книгу со словами: “Вот тебе в руководство”.

Эту книгу я получил при следующих необычных обстоятельствах. 26 августа 1903 года мы вместе с моим бывшим игуменом Георгием приехали в Кронштадт, желая повидать дорогого батюшку. Но его не было дома. Он был в Петербурге и должен был приехать только вечером. Проходя мимо его дома, я мысленно пожелал: “Хоть бы мне батюшка дал какое-нибудь словечко в руководство”. Вечером отец Иоанн приехал, и мы с отцом Георгием пошли к нему на квартиру. Нас впустили, и отец Георгий прошёл к нему в комнату, а я, как смиренный послушник, остался ждать на кухне, не желая беспокоить отца Иоанна в такой поздний час. Там я сидел в ожидании, пока выйдет отец Георгий, и, счастливый тем, что побывал на квартире у дорогого батюшки, мирно сидел в уголке и занимался Иисусовой молитвой.

Каково же было моё удивление, когда вдруг сам отец Иоанн пришёл на кухню и, направившись ко мне, ласково приветствовал, поцеловал и повёл к себе в комнаты. Спросив меня о моём духовном житье-бытье, он вдруг повернулся, побежал в другую комнату и оттуда вынес свою книжку и, вручая её мне, сказал: “Вот тебе в руководство”. Не надо говорить, как я был осчастливлен этим даром, с которым я, конечно, не расстаюсь и поныне, и вот эта книжка воистину руководствовала меня ко спасению от той увлекательной и тонкой ереси приравнивания Имени

Господня слову человеческому, которою враг ополчился против Православия в последние дни.

Итак, страдая духом и не находя себе места, я как-то случайно остановил свой взор на этой книге отца Иоанна “Мысли христианина”, взял её в руки и, машинально открыв, увидел перед глазами своими следующие слова: “Когда ты про себя в сердце говоришь или произносишь Имя Божие, или Пресвятой Троицы, или Господа Саваофа, или Господа Иисуса Христа, то в этом Имени ты имеешь всё существо Господа: в нём Его благодать безконечная, премудрость безпредельная, свет неприступный, всемогущество, неизменяемость. Со страхом Божиим, с верою и любовью прикасайся мыслями и сердцем к этому всезидущему, вседержавшему, всеуправляющему Имени. Вот почему строго запрещает заповедь Божия употреблять Имя Божие всеу, потому что Имя Его есть Он Сам – Единый Бог в трёх Лицах, простое существо, в едином слове изображающееся и в то же время не заключаемое, то есть не ограничивающееся ничем сущим. Великие Имена: Пресвятая Троица, или Отец, Сын и Святой Дух, или Отец, Слово и Святой Дух, призванные с живою, сердечною верою и благоговением или вообразённые в душе, суть Сам Бог и низводят в душу нашу Самого Бога в трёх Лицах”.

Я изумился, перекрестился и, возблагодарив Бога за вразумление, немедленно же разорвал моё письмо к отцу Илариону и сжёг его, и тут же отнялась от меня та безутешная тягость сердечная, которая меня так обременяла после написания письма, и я снова пришёл в своё прежнее духовное устройство. Книгу я отнёс игумену со словами, что худого в ней ничего

не нашёл, что учение о молитве Иисусовой изложено в ней прекрасно, весьма легко и удобочитаемо, но, наоборот, книга весьма духовна и написана в духе святых отцов».

Фотография отца Иоанна Кронштадтского, подаренная им отцу Антонию, была надписана следующим образом: «Афонским инокам – венцы мученические». Позже в этих словах отец Антоний (Булатович) усмотрел пророчество преподобного о будущей судьбе имяславцев.

Рецензия на книгу «На горах Кавказа» всё-таки появилась и была написана иноком Хрисанфом (Минаевым) в 1909 году. В ней автор отрицал главный тезис имяславцев «Имя Божие есть Бог» и обвинял монахов в «обождении Имени» и «воплощении Имени в самую сущность Божества», в поклонении Имени «Иисус», а не Самому Господу Иисусу Христу. По его утверждению, Имя «Иисус» – меньшее из Имен Божиих, которое носили многие люди как до, так и после земной жизни Христа Спасителя. Сами Имена Божии он называл «номинальными» и человеческими изобретениями. Данная рецензия, распространённая в рукописном виде по Святой Горе, вызвала бурю возмущения со стороны монахов – защитников Божественного достоинства Имени Господа Иисуса Христа.

Смута, связанная с книгой схимонаха Илариона и рецензией инока Хрисанфа, постепенно охватывает всё большие круги русского афонского монашества, спор со временем выходит за афонские стены. С 1912 года на страницах журнала «Русский инок», издававшегося в Почаевской лавре и подконтрольного архиепископу Антонию, появляются рецензия инока

Хрисанфа и одна за другой критические статьи иеромонаха Алексия (Киреевского) и некоторых других авторов, посвящённые разбору книги «На горах Кавказа». Как писал отец Антоний (Булатович): «В одном из номеров “Русского инока” архиепископ Антоний позволяет себе дерзко выразиться так: “Само имя Иисус не есть Бог”. Этими словами архиепископ Антоний опровергает церковный догмат, что Имя Бога свойственно не только существу Божию, но и энергии, как о том гласит пятая анафема Константинопольского собора 1351 года против Варлаама...

Архиепископ Антоний, отвергая, что истина Богооткровенная, то есть Имя Божие и Имя Иисус есть Бог, и печатно о том проповедуя с высоты архиепископского престола, оказывается страшным архиересиархом, который влечёт к вероотступничеству всю Православную Русскую Церковь».

В августе 1912 года владыка Антоний называет схимонаха Илариона «впадшим в прелесть», а кавказских и афонских подвижников – «шайкой сумасшедших, предводимых честолюбивым, карьерствующим гусаром», сравнивает веру в Божественное достоинство Божиих Имен с хлыстовщиной: «Сущность этой хлыстовской прелести заключается в том, что какому-нибудь мужика, хитрого и чувственного, назовут воплотившимся Христом и какую-нибудь скверную бабу Богородицей, и им поклоняются, вместо Бога, а затем предаются свальному греху. Вот к такому-то заблуждению и направляет своих неразумных последователей отец Иларион, сам того, как мы надеемся, не сознавая».

Несколько лет спустя великая княгиня Елизавета Феодоровна, будучи за обедом с владыкой Антонием, поинтересовалась, в чём причина такого активного неприятия книги «На горах Кавказа». Владыка ответил, что сам он книги не читал, но ему докладывал миссионер иеромонах Алексей (Киреевский) о ложных идеях схимонаха Илариона.

Вступление в спор иеросхимонаха Антония (Булатовича) произошло в 1912 году. От одного из фиваидских иеродиаконов, поселившегося в Андреевском скиту, он узнал о гонениях, которым подверглись некоторые фиваидцы со стороны их начальства за исповедание Имени Господня и которые вынудили покинуть скит многих фиваидцев и выехать на Кавказ. Отцу Антонию рассказали и о глумлении и о выходках иноков-интеллигентов, которые так возмутили простецов-скитян, и об опубликованных в России многочисленных нападках на книгу «На горах Кавказа». Проникнувшись сочувствием к инокам-имяславцам и полностью разделяя их понимание Имени Божия, отец Антоний решил предпринять словесную защиту Имени Господня.

Первым апологетическим произведением иеросхимонаха Антония стала статья «О почитании Имени Божия», в которой отсутствуют указания на имяславские споры, но содержится подборка цитат из Священного Писания, богослужебных текстов и произведений протоиерея Иоанна Кронштадтского с целью обоснования имяславского учения о том, что Имена Божии суть Сам Бог и Имени Божию присуща реальная объективная сила. Статья была опубликована с разрешения Духовно-цензурного комитета в

журнале Андреевского скита «Наставления и утешения святой веры христианской» в апреле 1912 года. В то же время отец Антоний заканчивает написание статьи «О молитве Иисусовой», в которой также на основании Святого Писания и Святого Предания проводится мысль о спасительности исповедания Божественности Божиих Имен.

Отец Антоний писал: «В мае месяце ко мне зашли фиваидцы и выразили свою глубокую скорбь по поводу того, что их так оклеветали отец Алексей и отец Дионисий архиепископу Антонию, и последний дал веру этим клеветам, поместив в “Русском иноке” их статьи и рецензию отца Хрисанфа.

Я тогда написал открытое письмо архиепископу Антонию, в котором почтительно просил владыку поместить его в “Русском иноке”: “Ваше Высокопреосвященство, благословите. Припадая к стопам Вашим, просим Вас с кротостью выслушать объяснение того заблуждения, в которое впала редакция “Русского инока”, доверившись неверным сведениям об иноках фиваидских и о книге схимонаха Илариона “На горах Кавказа”, доставленным вам иеромонахом Алексием (Киреевским) и иноком Хрисанфом. На основании их слов Вы изволили признать книгу отца Илариона “вредной и опасной”, а пустынников фиваидских – прельстившимися именем Иисусовым, которое они якобы почитают Богом по существу и молятся имени сему, а не Самому Господу Иисусу Христу, присущему во имени Своём... Позвольте, владыко святой, Вам доложить, что это совершенно неверно и есть невольная клевета, в которую впали по какому-

то роковому недоразумению иноки Хрисанф и Алексий.

Одному Богу свойственно не ошибаться; и мы, ведая смиренномудрие российских святителей, чуждых самомнительной непогрешимости католических пап, дерзаем надеяться, что и Вы, Ваше святительство, дадите место в “Русском иноке” и этим нашим строкам, в которых мы защищаемся от возведённой на нас клеветы, помещённой в “Русском иноке” и чрез него разглашённой десятку тысяч его читателей...

“Имя Божие есть Сам Бог”, – говорим мы и отец Иларион. “Имя Иисус – Сам Господь Бог Иисус Христос”. Противники же наши, услышав эти слова, соблазнились ими и, не поняв или не пожелав понять, в каком смысле говорим мы это, укорили нас в нарушении второй заповеди о несотворении себе кумира, поняв эти слова, как “обожение имени” и “воплощение имени в саму сущность Божества”. Считаем долгом, во-первых, сказать, что это выражение принадлежит не нам и не отцу Илариону, но принадлежит приснопамятному российскому пастырю Иоанну Кронштадтскому: “Когда ты про себя в сердце говоришь или произносишь Имя Божие, Господа или Пресвятой Троицы, или Господа Саваофа, или Господа Иисуса Христа, то в этом Имени ты имеешь всё существо Господа...”

Великие Имена: Пресвятая Троица, или Отец, Сын и Святой Дух, или Отец, Слово и Святой Дух, призванные с живою, сердечною верою и благоговением или вообразённые в душе, суть Сам Бог и низводят в душу нашу Самого Бога в трёх Лицах” (протоиерей Иоанн Кронштадтский “Мысли христианина”). Это

суть слова облагодатствованного и опытного молитвенника, ощутительно познавшего, сколь действительно, величественно и сладостно призывание Имени Божия и Имени Иисусова чистым сердцем, духом и истиною, ибо тогда Сам Иисус Христос ощущается и созерцается умно-сердечным оком во Имени Своём. В этом смысле и говорил отец Иоанн Кронштадтский, и отец Иларион, и мы все, что “Имя Божие есть Сам Бог”.

Но ни отец Иоанн Кронштадтский, ни кто-либо из нас не возводим Имени Божия по существу на степень Божества отдельно от Бога и не поклоняемся Имени “Иисус” отдельно от Бога, как в том нас укоряет иеромонах Алексей (Киреевский) и инок Хрисанф. Вся его рецензия построена на опровержении слов, что “Имя Божие есть Сам Бог”, которые инок Хрисанф не потрудился понять в должном смысле... Позволим себе спросить: откуда он взял, что отец Иларион воплощает Имя в самую сущность Божества? Мы этого у отца Илариона в книгах нигде не нашли; но из того самого текста, который в подтверждение этого своего заключения инок Хрисанф приводит, мы видим совершенно обратное, ибо отец Иларион ясно выражает мысль, что Господь Иисус Христос присутствует в Имени Своём. И в этом смысле он говорит, что Имя Его есть Сам Бог по существу, ибо, если бы была речь о воплощении самого Имени в сущность Божества, тогда слово “присутствует” было бы неуместно.

Так же ясно выразили это положение пустынники фиваидские в следующем Исповедании своей веры во Имя Господа, которое представили они своему игумену в соборном разбирательстве их спора с иеромо-

нахом Алексием (Киреевским): “Верую и исповедую, что в Имени Иисус Христос присутствует Сам Он, наш Спаситель Господь Иисус Христос, невидимо и непостижимо, и в сей своей сердечной вере утешаю себя Божественным изречением моего дражайшего Искупителя, Который сказал: “якоже веровал еси” и “веруешь”, “буди тебе по вере твоей”. Божественнейшее и святейшее Имя “Иисус” называю Богом по своей сердечной вере, что оно неотделимо и не может быть отъято от Него, Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, но едино с Ним”.

Инок Хрисанф в конце своей рецензии угрожает нам быть отверженными на Страшном Суде Христовом за то, что мы поклоняемся имени “Иисус”, а не Самому Господу Иисусу Христу, что, как Вы, владыко святой, ныне сами видите из выше написанных строк, есть лишь плод его воображения и ничем с нашей стороны не подтверждается. И посмотрите, в какую он сам впадает хулу: он дозволяет себе живую веру в таинственное и неотделимое или, так сказать, соприсносущное и воипостасное присутствие Божие во Имени Своём приравнять пантеизму, то есть безбожному зловерию, будто Бог присущ всякой твари... Итак, до какой же степени он этим унижил достопоклоняемое, и Божественное, и зиждительное, и спасительное, и страшное Имя Божие, приравняв его всякой твари и отняв от него всякую Божественность...

Вынь прежде бревно из глаза твоего (неверия и хулы), и тогда увидишь, как вынуть сучок (мнимого имяпоклонства) из глаза брата твоего (Мф. 7, 5).

7 мая 1912 года. Святая Гора. Иноки афонские».

Это письмо не возымело желанного действия и не только не разубедило архиепископа Антония в клевете имяборцев на имяславцев, но возбудило его недовольство и гнев против отца Антония (Булатовича), дерзнувшего выступить с защитой Имени Господня. Это письмо владыкой Антонием так и не было помещено в журнале «Русский инок», который стал главным рупором противников имяславия.

«Русский инок» публикует ещё одну статью инока Хрисанфа, содержащую ответ на тезисы отца Антония (Булатовича), выдвинутые им в статье «О почитании Имени Божия». Ответом на эту публикацию послужила статья отца Антония (Булатовича) «Новое бесословие имяборцев»: «Начинает Хрисанф статью с того, что говорит, что слова отца Иоанна Кронштадтского, что “Имена Божии... суть Сам Бог и низводят в душу Самого Бога”, что “в Имени ты имеешь всё существо Господа...” – надо понимать не буквально, а духовно. С этим мы вполне согласны, ибо никто из нас и не думает называть Богом буквы. Но, оказывается, инок Хрисанф в дальнейших своих словах и духовное понимание того, что Имя Божие есть Сам Бог, отвергает и объясняет эти слова отца Иоанна Кронштадтского тем, что у него ум был не богословский, вот почему ему, как и многим другим, и казалось, что, когда молишься и призываешь Имя Господа Иисуса, и получаешь умиление, то это от имени призываемого происходит! Слышите, какая нелепица! Когда ешь что-либо вкусное, ужели ошибёшься и будешь думать, что посредствующая ложка так вкусна?! Так выходит и по богословскому, а вернее, по бесословскому уму инока Хрисанфа, что Имя Господне не есть

Сам Господь, неотделимый от Своего Имени, как веруем мы и вся Церковь, а есть только как бы ложка посредствующая, которой подаётся в рот кушание! Святая Церковь весьма часто называет в песнопениях и святые отцы в творениях Имя Иисус – сладчайшим, конечно, потому, что в нём Сам сладчайший Иисус, и Имя Его есть Он Сам, почему так и сладко оно для любящих Иисуса, а, конечно, не буквы суть сладки».

В этой же статье иеросхимонах Антоний опровергает также мнение о том, что он и схимонах Иларион отождествляют Имя Божие с существом Божиим: «Существо Божие никто не определяет, ибо оно непостижимо, но как мы знаем, что во Святых Тайнах мы имеем всё существо Божие, хотя, какое это Существо, мы не в силах постичь, так и во Имени мы исповедуем Самого Бога, но что такое есть существо Его, мы не определяем. Так же и отец Иларион не думает говорить, что существо Божие есть имя, но только что Бог присутствует во Имени Своём».

Опровергается в статье иеросхимонаха Антония (Булатовича) мнение о том, что имяславцы видят в Имени Божиим какую-то самобытную силу, которая отличается от силы Божией: «Это клевета и ложь: мы не в особого Бога во Имени Божиим веруем, но Того же Самого единого Бога, нераздельного от свойств и действий и Имён Своих. Поэтому не допускаем именовать Имя Божие ни силой самобытной, ни силой посредствующей. Веруем же, что таинства силою Имени Божия совершаются, то есть Самим Богом, присущим Имени Своему».

Летом 1912 года к архиепископу Антонию (Храповицкому) и иноку Хрисанфу присоединяется ещё

один автор, публикующийся в «Русском иноке» под псевдонимом «Афонец». В ответ на эти нападки отец Антоний (Булатович), разгадавший в «Афонце» насельника Свято-Андреевского скита монаха Климента, пишет: «Выбрав самую скрытную маску, автор пытается очернить великого подвижника наших дней, клеветца на него, как на пьяницу и женолюбца... Монах Климент называет отца Илариона “выскачкой”. Желал бы я каждому быть таким выскачкой: около полувека сей выскачка монашествовал, всеми силами взыскивая соединиться и обрести в себе Христа, нёс много лет послушание покорно и безропотно в монастыре, наконец, двадцать лет скрывался и подвизался бедствуя в пустыне и воистину обрёл Христа, и ныне на конце дней решился сообщить благодатные плоды своего молитвенного подвига собратьям и сподвижникам во Христе! Тебе ли, жалкий, сытый новопостриженный монах, не изведавший даже следа подвига, не познавший даже тени умной молитвы, тебе ли, жалкий отец Климент, называть сего старца, который тебе в деда годится, а архиепископу Антонию, наверное, во отцы – “выскачкой”! Подумай, не падает ли сей камень тебе же на голову!»

В это же время отец Антоний пишет один из главных своих апологетических трудов против имяборствующих: «Апология веры в Божественность Имен Божиих и Имени Иисус».

Инок Пахомий так описывал историю создания «Апологии»: «Отец Антоний усердно молился Богу, дабы Господь отверз ему ум к разумению сущности оспариваемого предмета. На Пасху, ежедневно прикладываясь к раскрытым по случаю праздника мощам

великих святителей и учителей Церкви, он мысленно всё время просил угодников Божиих о том же. И вот неожиданно постигла его тяжёлая болезнь глаз и заключила его в тёмную келию и в глубокое безмолвие и уединение... Если мысль о Боге есть тварь, то недопустимо объективно называть Имя Божие Богом; если не тварь – то недопустимо Имя Божие иначе именовать, как Богом. Но идея о Боге есть истина Богооткровенная, открытая Самим Богом, следовательно, она не тварь, но некая предвечная истина... Находясь всецело в области таких размышлений, иеросхимонах Антоний однажды сподобился следующего откровения: пребывая в тонкой дремоте, или полусне, он воспринял мысленно следующие ясные и определённые слова: “Аз есмь Истина, и Истина есмь Аз. Отец есть Отец Истинный, и Дух Святой есть Дух Истины. Бог есть Триипостасная Истина, и Имя Божие есть Истина о Триипостасной Истине, и, следовательно, Имя Божие есть Сам Бог”. Мгновенно встав с постели, иеросхимонах на ощупь взял лист бумаги, карандаш и записал эти откровенные ему слова, которые были ключом для решения сего спора.

Мысль о том, чтобы собрать воедино все доступные ему свидетельства из Священного Писания, творений святых отцов Церкви и богослужебных текстов, посвящённые Имени Божию, созревала в нём в течение всей весны 1912 года, однако тяжёлое воспаление обоих глаз препятствовало ему взяться за работу».

«Болезнь глаз не только не проходила, – писал отец Антоний, – но ухудшалась, и воспаление пе-

решило на другой глаз. Тогда в отчаянии я решился на крайнее средство и, несмотря на то, что дневной свет и ветер были для меня нестерпимы, взял палку и пошёл на другой конец Святой Горы в пещеру к угоднику святому Нилу Мироточивому искать у него благодатной помощи в моей болезни. Возвратился я оттуда через три дня, к общему удивлению всех, здоровым и зрячим и немедленно же приступил к писанию “Апологии”. Между прочим, во время богомолья мне совершенно случайно, если вообще считать допустимыми в мире случайности, пришлось переночевать в келии святителя Григория Паламы и отслужить литургию в церкви его имени. Этот святой известен как защитник того же самого догмата который ныне защищаем мы.

Хотя острое воспаление моих глаз и прошло и я получил возможность свободно писать на пишущей машинке, но перечитывать писаное я мог только с большим трудом и с большой опасностью, тем более невозможным было для меня чтение многочисленных и многотомных творений святых отцов. Но Господь неожиданно послал мне неведомых помощников, которые, узнав, что я взялся за словесную защиту Имени Господа, стали пересылать мне те свидетельства разных святых отцов, которые они находили в их творениях. Моё сочинение я одновременно переписал на восковых листках и отпечатал на гектографе в 75 экземплярах.

23 июля, в день Владимирской иконы Божией Матери, особо почитаемой мною, апология моя была закончена, и в то же время началось преследование меня и её игуменом Иеронимом и имяборцами. Как

видите, мне, совершенно неподготовленному в богословии, пришлось выступить против таких авторитетов современной иерархии, как архиепископ Антоний и других лиц. Это мне и ставилось в укор моими противниками. Эти слова, конечно, могли бы меня смутить и заставить отказаться от взятой на себя защиты Имени Господня, если бы я не имел того удостоверения, которое я нашёл в словах отца Иоанна Кронштадтского, и не имел бы ещё и других, утверждающих во мне глубокое убеждение в истинности моего понимания удостоверений Божиих. Одним из таких духовных подкреплений было поведенное мне пустынником Евфимием видение. В Чистый четверг, возвратившись от Святого Причастия и задремав, он увидел себя в соборе Андреевского скита, там узрел он Владычицу, окружённую сонмом святых, которая подошла к нему и сказала, указывая рукой в сторону моей келии: “Скажи Антонию, что Я здесь Сама благодетельствую”. Пустынник Евфимий спросил Владычицу: “Какому Антонию?” Владычица ответила: “Тому, который в саду, к которому ты ходишь”. Затем мгновенно увидел себя Евфимий в моей келии и меня, сидящим за книгой, в которой страницы были напечатаны в два столбца, причём один столбец был напечатан чёрной, а другой красной печатью. Я же сидел над книгой, задумавшись, и сказал: “Это надо разобрать”. И действительно, только благодатная Божественная помощь могла сделать для меня возможным разобрать в столь глубоком и тонком вопросе».

Ниже приведены выдержки из книги иеросхимонаха Антония (Булатовича) «Апология веры во Имя

Божие и во Имя Иисус»: «Сам Господь Иисус Христос подтвердил Новозаветной Церкви заповедь о благоговении к Имени Божию и к Имени Своему, как к Самому Богу, и эту заповедь о вере во Имя Господа апостолы передали последующим родам христиан: *А заповедь Его та, чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам (1 Ин. 3, 23). А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими (Ин. 1, 12). Се же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и веруя имели жизнь во имя Его (Ин. 20, 31). Бог дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних (Фил. 2, 10).* Наконец, в молитве Господней первое прошение заповедано Церкви о том: *“Да святится имя Твое”*. “Имя Божие есть Сам Бог”, – свидетельствуют многократно святые отцы в своих творениях. “Имя Божие есть Сам Бог”, – повторяет нам многократно недавно отошедший от нас благодатный российский пастырь Иоанн Кронштадтский на страницах своего дневника “Моя жизнь во Христе”...

Недавно на страницах журнала “Русский инок” появился ряд статей, в коих это положение, что Имя Божие и Имя Иисус есть Сам Бог, опровергается. В этих статьях высказывается мнение, что Имя Божие само по себе Божественной силой не обладает, но есть в чудотворениях лишь “сила посредствующая”, что Имя Иисус относится лишь к человечеству Христову и есть, так сказать, имя меньшее всякого имени*.

* Статьи инока Хрисанфа на книгу отца Илариона «На горах Кавказа», были опубликованы в номерах 4, 5, 6 «Русского инока».

В 10-м номере “Русского инока” архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) высказывается так: “Само имя “Иисус” не есть Бог, ибо Иисусами именовались и Иисус Навин, и Иисус, сын Сирахов, и первосвященник Иисус, сын Иоседеков. Неужели они тоже Боги?!” В 15-м номере “Русского инока” архиепископ Антоний пишет, что если допустить веру во Имя Иисуса Христа, как в Самого Бога, то это будет на руку только хлыстам, ибо они тогда назовут какого-нибудь мужика “Иисусом” и станут ему поклоняться, как Самому Иисусу, что в конце концов приведёт к взаимному “свалению баб и мужиков”...

Но такое мнение об Имени Божиим и об Имени Иисусовом мы отнюдь не принимаем и смотрим на это учение, как на страшную хулу и новую имяборческую ересь, угрожающую погибелью и вероотступничеством нашей Церкви! Впрочем, эта ересь не совсем новая: пять веков тому назад подобные приведённым мнения высказывал еретик Варлаам. Подобно тому, как ныне архиепископ Антоний и инок Хрисанф восстали против учения отца Илариона об умной молитве, которое он изложил в книге своей “На горах Кавказа” (изданной ныне третьим изданием Киевской лаврой), и главным образом против того, что Имя Божие исповедуется быть Самим Богом, так некогда и Варлаам восстал против пустынников и созерцателей, делателей умной Иисусовой молитвы, исповедовавших Божественный созерцательный Свет, которого сподоблял их Бог созерцать внутренне во время умной молитвы...

Всякое Имя Божие, как истина Богооткровенная – есть Сам Бог, и Бог в них пребывает всем существом Своим, по неотделимости существа Его от действия Его. О том, что воистину Имя Божие есть словесное действие Божества, то есть Истина, Самим Богом

речённая о Самом Себе, ясно свидетельствует Сам Господь Иисус Христос: *Отче, прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил, и еще прославию* (Ин. 12, 28).

Когда Господь прославил Имя Своё на Кресте и явил Себя тезоименным Имени Своему воскресением Своим и на небеса вознесением, тогда вместе с верой в Божество Христово воссияла в верующих и вера в Божественную силу Имени Его, как в Самого Иисуса, и когда апостолы обрели такую веру во Имя Иисуса Христа, тогда от этого Имени потекли источники благодати, и первой струёй этой благодати были крещены во Имя Иисуса Христа три тысячи человек в день сошествия Святого Духа, вслед за тем исцелён Именем Иисуса Христа хромым и крещены во Имя Иисуса Христа пять тысяч мужей. Об этой живой вере во Имя Иисуса Христа ярко свидетельствуют слова, сказанные апостолом Петром хромому: *Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи* (Деян. 3, 6). Когда же сбегавшийся народ стал дивиться совершённому чуду, тогда Пётр исповедал и пред всеми людьми, что не иною какою силою он совершил его, но единственно призыванием Имени Иисуса Христа: *И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие пред всеми вами* (Деян. 3, 16). Когда же Петра и Иоанна повлекли на судилище, то Пётр вторично исповедал Христа воскресшего из мёртвых и исповедал также и Имя Его, как велию благодать, данную человекам: *Да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он пред вами здрав... Ибо нет другого имени под не-*

бом, данного человекам, которым надлежало бы вам спастись (Деян. 4, 10–12).

Однако имяборцы, несмотря на такое ясное свидетельство Священного Писания, что Имя Господа Иисуса Христа совершало чудеса, дерзали отрицать его Божественную и чудодейственную силу и утверждать, будто во всех чудесах, совершённых Именем Господним, о коих свидетельствует Писание, Имя Господне было бездейственно, ибо представляло из себя лишь силу посредствующую, главной же Божественной силой склонны почитать силу веры тех, над коими чудеса совершились. Так они отметають ясный и непреложный смысл слов Господних: *Именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками, будут брать змей, и если что смертоносное выпьют, не повредит им, возложат руки на больных, и они будут здоровы (Мк. 16, 17).*

Не признают имяборцы также и той непреложной истины, что и при земной жизни Спасителя апостолы, когда были посланы на проповедь, то исцеляли его Именем, и, очевидно, это они делали не сами по себе, но так заповедал им Господь, почему, возвратившись, они выразили свою радость и удивление словами: *Господи, и бесы повинуются о имени Твоем! (Лк. 10, 17).*

Мы не отрицаем, что сила веры просящих привлекала и привлекает благодать Божию, но смотрим на силу веры именно как на силу посредствующую, Имя же Господне, а также всякое слово Господне, как, например: *“встань и ходи”, “вера твоя спасетя”,* – почитаем за силу действующую, не отделяя слов Господних и Имени Господня от Самого Господа Иисуса, неотделимо сущего со Отцем и Святым Духом. Если же допустить такое отделение слов Господних и Имени Господня от Самого Господа и

видеть в них лишь посредствующую силу, то это должно логически привести к отделению и Сына от Святаго Духа и к тому, чтобы и в Сыне Божиим видеть лишь посредствующую силу между Отцом и Святым Духом!

Святая Церковь в акафисте Сладчайшему Иисусу поёт: “Все естество ангельское безпрестанно славит пресвятое имя Твое, Иисусе: Свят, Свят, Свят, вопиюще!” Слышите ясное свидетельство Церкви, что Ангелы возносят трисвятое пение о пресвятом Имени Господнем Иисус? До какой же степени противоположно этому свидетельству Церкви новое учение имяборцев, которое говорит о Имени Иисус, что оно есть “имя, меньшее всякого имени, и относится лишь до человечества Христова!”...

Учение имяборцев стремится уничтожить последние остатки подвижничества в монашестве и имеет целью совершенно обезверить христиан. Этим учением открыто опровергается заповедь Господня, которую Он дал ученикам Своим о вере во Имя Его: *Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них* (Мф. 18, 20). То есть Имя Господне будет заменять Его Самого в среде совокупно призывающих Его. *И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне* (Ин. 14, 13–14); *Доныне вы ничего не просили во имя Мое, просите и получите, чтобы радость была совершенна* (Ин. 16, 24).

Господь, говоря с Никодимом о таинстве Крещения, завершает Свою беседу указанием на то, что таинственное возрождение человека возможно лишь при условии веры во Имя Его, а не верующий во Имя Его не в силах возродиться вновь, но уже есть осуждён за то, что не веровал во Имя Единородного Сы-

на Божия. *Если кто не родится от воды и Духа, – говорит Господь Никодиму, – не может войти в Царствие Божие. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия* (Ин. 3, 5,17–18).

Возможно ли будет нам удержать в себе веру в непреложную совершимость какого-либо таинства, если мы не будем верить, что Имя Божие и молитва, которыми таинство освящается, есть Бог? Если поставим совершимость таинства в зависимость от веры совершающих его и тех, над коими оно совершается, то возможно ли быть уверенным, что всякий крестившийся – воистину крещён, и всякий приобщившийся и помазанный миром – приобщён и миропомазан? Если признать в таинствах главной действующей Божественной силой силу веры священника, то окажется громадная часть случаев, когда священник совершал таинство не совсем достойно или, например, рассеянно и во время призвания Имени Господня в таинстве ум его был вдруг отвлечён какою-либо другою мыслью. Итак, если само Имя Божие и Имя Господа Иисуса Христа – не Бог, но посредствующая сила между священником и Богом, то, конечно, если священник без веры призвал Имя Господне, то оно должно остаться бездейственным, таинство совершиться не может; но если Имя Божие, как то исповедует Феофилакт Болгарский, есть Бог, то оно, хотя и недостойно призванное, совершает таинство присушею Ему Божественною силою. До сих пор Святая Православная Церковь верила, что призванное в таинстве Имя Божие и сами слова молитв совершают таинство

присущую и неотделимую от них силою Духа Святого, столь же неотделимую, как Слово неотделимо от Отца и Дух Святой – от Слова...

Имяборцы учат тому, что Имя Божие не есть Бог, но посредствующая сила между Богом и человеком. Но мы на такое новое учение не соизволяем. Мы признаём действительность всякого призывания Имени Божия: или во спасение, или во осуждение, ибо веруем, что Имя Божие и есть Сам Бог. Поэтому веруем, что таинства, хотя бы совершённые не вполне достойно, всё-таки непреложно совершаются, будучи освящаемы самим Именем Божиим и молитвою, и именованным крестным знаменем, заменяющим Имя Иисус Христос. Веруя также, что и Имя Божие, и слова молитвы, и Имя Иисус Христос суть Сам Бог как словесное действие Божества, полагаем, что, не имея такой веры, священнику даже невозможно священствовать с чистою совестью. Думаем, что и христианам невозможно спокойно и уверенно приступать к каким-либо таинствам без веры в то, что слова Имени Божия и молитвы, независимо от достоинства священника, совершают таинство.

Если поколеблется в христианстве и в монашестве вера во Имя Господа Иисуса, то к чему же иному это неизбежно приведёт, как не к подрыву последних устоев подвижничества, ибо если отыметя в подвижниках вера во Имя Иисуса, то возможно ли будет подвижникам посвящать свои духовные и умственные силы на всегдашнее призывание Имени Иисуса? Утратив же веру во Имя Иисуса и держа в уме своём, что сие Имя принято Христом лишь по необходимости иметь какое-либо имя в человечестве, но не Сам Он, христиане, а в особенности монахи, утратят

необходимейшее звено для воссоединения своего с Богом.

Имяборцы покушаются отнять у монашества и у всего христианства то оружие, о коем великий Иоанн Лествичник сказал: “Бей супостатов Именем Иисусовым: ибо против него нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле” (Слово. 21, 7). Итак, если Имя Божие есть сила сильнейшая на небе всех сил ангельских и архангельских, то что же она есть иное, как не действие Божества, как не Сам Бог?..

У святых отцов мы весьма часто встречаем прямое и косвенное исповедание Имени Божия Самим Богом, без отделения свойств Божиих от существа Божия. Святой Симеон Новый Богослов говорит: “Бог неизъясним, непостижим... неприступен, невидим, неизглаголан, недомыслим для всех от Него созданных тварей... но Он, как человеколюбивый и многомилостивый, сжалился над невежеством нашим и настолько снизошёл к немощам нашим, сколько требовалось, чтобы мы познали, что Святая Троица есть единый Бог совершенный, Кому подобает благочестно поклоняться во Отце и Сыне и Святом Духе... Все Божественное Писание явно открывает о Боге то, что Он – триипостасен, всемогущ, вседержитель, всевидец, творец и промыслитель и что Бог столько познаётся нами, сколько кто может увидеть безбрежного моря, стоя на краю его ночью, с малою в руках зажжённую свечой”.

Святой Василий Великий, толкуя, почему Имя Божие именуется “святым”, говорит: “Имя Божие называется святым не потому, что в самих слогах (то есть буквах) имеет некую освящающую силу, но потому, что свято и чисто всякое свойство Божие (по которому Бог именуется) и всякое понятие о том,

что в Боге преимущественно усматривается” (Василий Великий. Толкование псалма. 32, 21). То есть свята всякая истина и всякая идея о Боге, ибо сия истина и есть Сам Бог, как действие Триипостасной Истины, почему и называется Имя Божие – “святым”.

Одной из главных целей воплощённого домостроительства Божия было то, чтобы открыть людям имена: “Иисус”, “Отец”, “Утешитель”, “Святая Троица: Отец, Сын и Святой Дух”, как о том ясно свидетельствует Сам Господь: *Я открыл имя Твое человекам* (Ин. 17, 6)...

Сущность Божества неизменна; но Бог с самого начала миробытия стал открывать словесной твари Имена свойств Своих. Бог открыл многие Имена Свои Духом Святым чрез пророков, и однажды с горы Синайской вслух во гласе трубном и в пламени огненном возгласил Имя Своё и десять заповедей Своих: *Аз есмь Господь Бог твой* (Первая заповедь). Наконец, напоследок сих дней открыл Имена Своих ипостасей и Имя Сына – “Иисус”, и заветы Свои. Эти Богом открытые людям имена хотя не именуют саму сущность Божию, которая непостижима и неизменна, но суть имена свойств ипостасей и свойств существа Божия...

О сей таинственной Божественности Имени Божия святой Иоанн Златоуст повелевает не мудрствовать лукаво, но принимать дословно, что писано в Писаниях: “Не сказал апостол Павел – для исследования и доказательства, но – в послушание. Мы посланы, говорит он, не умозаключения составлять, но передать то, что нам вверено. Когда Господь возвесит что-нибудь, то слушатели не должны перетолковывать слова Его и с любопытством исследовать, но обязаны только принять их. И апостолы были пос-

ланы для того, чтобы передать то, что слышали, ничего не прибавляя от себя, чтобы и мы, наконец, уверовали. Чему же уверовали? – во Имя Его. Мы не должны исследовать сущности Его, но веровать во Имя Его, так как оно творило и чудеса”...

Святой Кирилл Иерусалимский о святом Крещении говорит, что при совершении его каждый был вопрошаем: “Верует ли во Имя Отца и Сына и Святаго Духа”. О помазании же крещаемых перед Крещением святым елеем говорит, что сила сего еля заимствована им от призванного над ним Имени Божия, почему елей с такой же силой, как Имя Божие, опалает и отгоняет вражескую силу... Также и о таинстве Святого Причащения сей святой говорит: “Хлеб и вино Евхаристии до святого призывания достопоклоняемой Троицы были простым хлебом и простым вином, а по совершении призывания (то есть Имени Божия в предварительных молитвах и Имени Духа Святаго в словах: *“преложив Духом Твоим Святым”*, и Имени Иисуса Христа в крестном знамении), хлеб делается Телом Христовым, а вино Кровью Христовою”.

Итак, что же говорит этими словами святой Кирилл Иерусалимский, как не то же самое, что говорит и святой Симеон Новый Богослов, то есть что хотя Бог не именуем по существу Своему человеком, но именуем – Сыном и что хотя Имя существа Его неизвестно и непостижима человеческому уму сущность Божества, но человек должен довольствоваться познанием тех Имен Божиих, кои ему известны, и эти Имена суть Сам Бог, ибо для верующей души Божие Имя даже слышать трудно, то есть страшно.

Выразителем этого же учения Церкви о Имени Божиим явился и приснопамятный великий молит-

венник земли Русской Иоанн Кронштадтский: “Имя Божие есть Сам Бог”. Потому говорится: *Не произноси имени Господа Бога твоего всуе* (Исх. 20, 7). Или: *Да защитит тебя имя Бога Иаковлева* (Пс. 19, 2).

Отец Иоанн Кронштадтский в книге “Мысли христианина” пишет: “Господь при безконечности Своей есть такое простое Существо, что Он бывает в одном Своём Имени – “Троица”, или в Имени – “Господь”, или в Имени – “Иисус Христос”. Когда ты про себя или в сердце говоришь или произносишь Имя Божие, Господа, или Пресвятой Троицы, или Господа Саваофа, или Господа Иисуса Христа, то в этом Имени ты имеешь всё существо Господа: в нём Его благодать безконечная, премудрость безпредельная, свет неприступный, всемогущество, неизменяемость. Со страхом Божиим, верою и любовью прикасайся мыслями и сердцем к этому всезидущему, вседержавшему, всеуправляющему Имени. Вот почему строго запрещает заповедь Божия употреблять Имя Божие всуе, потому что Имя Его есть Он Сам, Единый Бог в трёх Лицах, простое существо, в едином слове изображающееся и заключающееся и в то же время не заключаемое, то есть не ограничиваемое ничем сущим.

Великие имена: Пресвятая Троица, или Отец, Сын и Святой Дух, или Отец, Слово и Святой Дух, призванные с живою сердечною верою и благоговением или вообразённые в душе, суть Сам Бог и низводят в душу Самого Бога в трёх Лицах... Само это безконечно простое существо может быть некоторым образом обнято одною нашею мыслью, одним словом”.

В самом высоком смысле своём Имя Божие есть Слово Божие, есть неизменное Имя Божества, обладающее всеми Божественными свойствами. В именуемых Именах Божиих мы почитаем их Божественное достоинство, ибо они суть истинные лучи истинного неизменного Имени и, поелику суть словесное действие Божества, обладают Божественными свойствами. Впрочем, этих Божественных свойств: единосущия, присносущия и прочие – мы не приписываем тем буквам, которыми условно выражается Божественная Истина, но лишь самому слову Истина. Поэтому, когда мы говорим о Имени Божием, имея в виду сущность самого Имени, которым именуем Бога, то мы говорим, что Имя Божие есть Сам Бог.

Имяборцы отвергают засвидетельствованную в Священном Писании истину, что чудеса творились Божественною силою Имени Божия, и осмеливаются утверждать, что не силою Божественною Имени Божия совершались эти чудеса, но Самим Богом, а Имя Господне служило лишь для призвания Бога, как посредствующая сила!..

Сила посредствующая значит сила второстепенная. Сила посредствующая значит сила не Божественная. Сила посредствующая значит сила, отделимая от силы Божественной, и сила, которая прекращает своё действие тогда, когда начинает действие сила Божественная... Мы отнюдь не допускаем именованья Имени Божия силою посредствующею, но веруем и исповедуем, что Имя Божие и Имя Господа Иисуса Христа творило и творит безчисленные чудеса присущею Ему Божественною силою...

О том, что Имя Божие есть державнейшая Божественная сила, ясно засвидетельствовал Ангел мужу

апостольскому Ерму: *Имя Сына Божия велико и неизмеримо, и оно держит весь мир* (“Пастырь” Ерма. Подобие 9, 14). Феофилакт Болгарский пишет: “Господь, объясняя нам, как верующий в Него может творить великие и чудные дела, говорит: *Просите во имя Мое*”...

Святой Иоанн Златоуст говорит: “Мы не должны углубляться в сущность Его, но веровать во Имя Его, ибо Имя сие творило чудеса”. Появление среди современного христианства и – о ужас! – среди монашества имяборческой и нововарлаамитской ереси доказывает плачевное умаление веры в нынешних христианах. Кто является провозвестниками этой новой ереси? Три святогорских образованных монаха-интеллигента, во главе с известным российским архиепископом. Все они, как видно, ещё со школьной скамьи повредились в своём православном умозерцании и заразились всякой интеллигентщиной и толстовщиной и всяким другим ядом западного свободомыслия, ибо кто из нынешнего поколения высокообразованного не повредил в юности чистоты своего Православия?

В нынешний век, когда дух кичливого высокоумия и самомнительной гордости ума уничтожает всё древнее и святоотеческое и преклоняется лишь пред всем новым, в нынешний век, когда даже веру в Божество Иисуса Христа людям образованного класса приходится с великим трудом в себе отстаивать, теперь, конечно, новая имяборческая ересь найдёт себе изобильнейшую пищу. Тому, кто и в Божество Христово еле-еле верит, тому где же трепетать, как то подобало бы, пред Именем Божиим и где ему веровать во Имя Божие, как в Самого Бога...

Процесс молитвы, то есть умное взирание на Имя Божие и возвращение ума от Имени Божиего к имени или определению своему, прекрасно выражен у святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов: “Молитва, со вниманием и трезвением совершаемая внутрь сердца, без всякой другой какой-либо мысли, словами: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий*, – невестественно и безгласно устремляет ум к Самому призываемому Господу Иисусу Христу, словами же – *помилуй мя*, – опять возвращает и движет к самому себе”. Итак, не ясно ли свидетельствуют этими словами святые отцы, что душа наша не иначе может сочетаться с Богом, как сочетавшись, во-первых, умом с истиною, выраженной во Имени Божиим, и сердцем прочувствовав эту истину, и тогда на истинствующие ум и сердце человека приникает с неба Дух и Истина, и земля сердца нашего *даст плод свой* (Пс. 84, 12)... Сочетание ума и сердца с Богом во Имени Его обожает и саму молитву, которая делается уже молитвою не человеческой, но молитвою Богодвижимой, и такая молитва есть Сам Бог, ибо есть словесное действие Божества.

Не Имя ли Божие в молитве святит собою молитву?! Если каждое слово в молитве признаётся имеющим Божественную силу, как словесное действие Божества, то не тем ли паче Сам Бог есть Имя Божие и Имя Господа Иисуса Христа в молитве! Можно ли допустить, чтобы прошение в молитве Иисусовой – *помилуй мя* – было бы Богом, а Имя “*Господи Иисусе Христе, Сыне Божий*” – не Богом? Итак, если святые Григорий Синаит и Макарий Александрийский именуют молитву Богом, то очевидно, что они этим утверждают, что Имя Божие и Имя Господа Иисуса Христа есть Сам Бог.

Отец Иоанн Кронштадтский писал: “Молясь, нужно так веровать в силу слов молитвы, чтобы не отделять самих слов от самого дела, выражаемого ими: нужно веровать, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так как у Господа слово и дело нераздельны. То беда, что мы маловерны и отделяем слова от дела, как тело от души, как форму от содержания, как тень от тела, – бываем на молитве, как в жизни, “телесные, Духа неимущие”... В Имени Иисус Христос – весь Христос, – душа и тело Его, соединённые с Божеством”».

«Апология» довольно быстро распространилась по Святой Горе. В заключительной части книги иеросхимонах Антоний писал: «Дай, Господи, чтобы сия “Апология” послужила бы братьям во Христе, забывшим страх пред Именем Божиим, напоминанием и побуждением к стяжанию его; верующим право и истинно во Имя Божие – стеной и ограждением против тех хулений Имени Господня, кои они имеют вероятность услышать; колеблющимся в вере во Имя Господне и повреждённым ядом имяборческой хулы – врачеванием; для хулителей же – посрамлением и уст их хульных заграждением... О Христе Иисусе, Господе нашем, Его же помощь и благодать при содействии многих собратий иноков святогорских и высокопросвещённых российских богословов сия книга написана, их же да вознаградит Сам Господь наш Бог за ревность их о Имени Его».

«Сознание исключительной важности вопроса о боголепном почитании Имени Божия, от чего зависит наше настоящее и будущее, простирающееся в вечность, и признание имяборчества, этого плода и причины религиозного безверия и безстрашия, опасней-

шим врагом Православия, поражающим основной нерв нашей веры, побуждают меня отдать все свои силы на обличение этого душепагубного заблуждения и на уяснение истины – имяславия», – писал в те годы Михаил Новосёлов*.

26 сентября 1912 года отец Антоний, получив согласие Новосёлова на публикацию «Апологии», пишет: «Раб Божий Михаил, благословен воздвигающий Вас на помощь нам в сей борьбе против архиепископа Антония и страшной его ереси, которою он тщится отвратить всю Церковь от Православия и свести Церковь с рельс Православия!!!

Вот Вам и звезда, спавшая с небес! Был защитник Самодержавия, но под конец впал в лютую ересь!! Бога ради, не оставьте начатого дела печатного обличения высокоименитого иерарха и архиересиарха».

9 октября иеросхимонах Антоний высылает Новосёлову часть «Апологии», предоставляя ему цензуру и печатание. Почти одновременно, 10 октября, Новосёлов обращается с письмом к священнику Павлу Флоренскому, сообщая ему о возникновении спора вокруг книги «На горах Кавказа» и прося поместить полученные им с Афона документы в «Богословском вестнике» Московской духовной академии, редактором которого был тогда отец Павел.

* Новосёлов Михаил Александрович (1864–1938?) – известный церковный публицист, издатель «Религиозно-философской библиотеки», монархист, активный деятель братства ревнителей Православия. М.А. Новосёлов не принял «Декларацию» митрополита Сергия, и его как одного из идеологов и организаторов движения «непоминаящих» в 1928 году арестовали. В 1938 году Новосёлова приговорили к расстрелу.

Флоренский пишет отзыв о книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа»: «Вероятно, не всем читателям известно, что дух древнего отшельничества Фиваиды и Сирии, – дух, так мало подходящий к нынешнему деловитому веку, – вовсе не умер, но жив и действителен даже и донныне.

Северный и южный склоны Западного Кавказа процветают многочисленными отшельниками, живущими то в одиночку, то по два, то по три на значительных друг от друга расстояниях. Среди них один из наиболее видных представителей – схимонах Иларион. Этот-то восьмидесятилетний старец и послужил поводом к всестороннему церковному обсуждению существеннейшего вопроса нашего времени. Прожив 21 год на Старом Афоне, он, с благословения старцев, решил посвятить остаток дней своих отшельническому созерцанию и в течение многих лет подвизался на северном склоне Кавказских гор. Достояние своего духовного опыта он изложил в книге “На горах Кавказа”, по литературной форме представляющей собою жизнеописание автора и некоторых других кавказских отшельников, а по существу раскрывающей основы умного делания, то есть излагающей учение об Иисусовой молитве. Опираясь на древних отцов и из современных духовных писателей, в особенности на протоиерея Иоанна Кронштадтского и на епископа Игнатия (Брянчанинова), схимонах Иларион выясняет в своей книге, что спасительность Иисусовой молитвы – в привитии сердцу сладчайшего Имени Иисуса, а оно Божественно, оно – Сам Иисус, ибо Имя неотделимо от именуемого. Эта книга, пропущенная духовной цензурой, которая не нашла в ней ничего

предосудительного, и одобренная многими тружениками духовного делания, однако, осталась малоизвестной в широких кругах церковного общества. Через некоторое время потребовалось второе издание той же книги, причём на это издание дано было благословение одним из высокочтимых представителей русского старчества. В связи с этим изданием и произошли главные волнения и наветы имяборцев. Но это не помешало Киево-Печерской лавре выпустить в конце 1912 года ту же книгу третьим изданием. Очевидно, и лавра не нашла в ней ничего предосудительного. Вот почему можно спокойно не считаться с осуждением её архиепископом Антонием. К тому же сперва он грубо осудил книгу и автора её, однако, как нам достоверно известно, не читал книги и незнаком с её автором».

Профессор Московской духовной академии по кафедре Священного Писания Нового Завета М.Д. Муретов считал, что в основе учения имяславцев лежит понятие о слове, имеющем реальную связь с идеей. По мнению Муретова, коль скоро идея имеет «ипостасное бытие», то и слово-имя обладает «реальностью» и «ипостасностью». В своём отзыве на «Апологию» Муретов пишет: «Глумящиеся над Именем Иисус, в душе ли, устно ли, на записках и так далее – всё равно, – ведь знают, что выражает имя и к кому оно относится, следовательно, глумятся и над Самим Спасителем. И никакими софизмами нельзя очистить этого глумления – только покаянием. Поэтому хула на Духа не прощается, и за всякое, даже праздное, слово человек даст ответ... Глумились над защитниками Имени Иисус и молитвы Иисусовой, конечно,

по недомыслию, а вернее – по отсутствию истинно христианского чувства, которое всегда может указывать истинным христианам верный путь во всех соблазнах и недоумениях, что и видим в монахах-простецах. Ведь мы живём и движемся и существуем в Боге – Отце, Сыне и Духе, – в Богочеловеке-Спасителе. Не только наше внесознательное бытие, не только наша духовно-телесная жизнь в Нём, но в Нём и наши движения – телесные и духовные. Наша мысль есть движение духа, наше слово есть духовно-телесное движение. И это движение может ставить нас в более тесное единение с Богом, как бы даёт нам осязать Бога (Деян. 17, 27–28). Поэтому произносящий молитву Иисусову реально соприкасается с Самим Богом Иисусом, – как Фома, осязает Его духовно».

В начале 1913 года игумен Андреевского скита Иероним попытался устроить показательное изгнание активных имяславцев из монастыря. В качестве зачинщиков раздора были выбраны трое: монах Пётр, монах Викторин и иеромонах Илиодор. Но подсудимые потребовали вызова на собор старейшего его члена – архимандрита Давида, сочувствовавшего имяславцам и не приглашённого на собор. После прихода отца Давида был зачитан обвинительный акт о подстрекательстве к бунту. На защиту обвиняемых монахов неожиданно для всех присутствовавших встал молодой писарь Порфирий, по долгу службы находившийся на соборе. Он с гневом обличил игумена «в неправомыслии о Имени Господнем». После этого выступления на соборе началось препирательство, окончившееся тем, что, выходя из зала

заседания, отец Давид воскликнул: «Братия, бегите: ваш игумен еретик. Он перед всем собором отрёкся от Иисуса». Вслед за отцом Давидом удалились и остальные соборные старцы.

В связи со срывом осуждения имяславцев игумен Иероним решил созвать более представительный собор старейших иноков скита. На собор, который состоялся 8 января, явилось 60 человек старшей братии, и, узнав о начале заседания по волновавшему всех вопросу, к залу подошли и монахи из младшей братии. В ходе заседания в зал проникли монахи, не приглашённые на собор. Заседание стало совершенно неуправляемым – на игумена Иеронима и сочувствовавших ему посыпались обвинения в имяборчестве и хуле на Имя Господне. Братия почти единогласно потребовала смены игумена.

В то время отец Антоний (Булатович) был вдалеке от происходивших в Андреевском скиту событий. Он был занят составлением книги «Истина об Истине». В этой книге содержался и рассказ о состоявшемся в августе 1912 года визите схимонаха Досифея к авторитетнейшему старцу Амвросию, пребывавшему на Афоне более 55 лет и жившему в Зографе: «На вопрос отца Досифея о начавшейся смуте в афонских монастырях старец Амвросий ответил: “От века ещё не бывали такие еретики! Имя Иисус так неразрывно с Богом, что можно сказать, что Имя Иисус есть Сам Бог, ибо как можно отделить Имя от Существа? Это невозможно. Имя Иисус есть истинный Бог; невозможно спастись без Имени Иисуса. О еретиках же сих написано, что в последнее время еретики будут хуже первых. Сии-то и суть слуги антихристовы, ибо они

поносят святейшее Имя Божие”. “Тогда я сказал, – продолжает отец Досифей, – как же нам быть и что мне делать? Молчать ли и ждать, каков будет конец, или говорить и писать в обличение их заблуждения?” На это старец ответил: “Вам молчать об этом нельзя, но надо и говорить, и писать во славу Имени Божия. Но только не спорить, ибо спор не есть от Бога. Если же дело будет доходить до спора, то лучше оставь и отойди от зла, и сотворишь благо”. Отец Досифей возразил: “Но если я так буду делать, то меня изгонят, и останусь без всего; чем я жить тогда буду?” На это старец Амвросий ответил: “Бог покроет вас Своею благодатью и нужды не будет, ибо блаженны суть стоящие за Имя Господне и изгнанные правды ради”».

Закончив работу над книгой, иеросхимонах Антоний должен был 1 января 1913 года ехать в Салоники для сдачи книги в печать. 30 декабря он прибыл на пристань, но на море поднялась сильная буря, больше недели не дававшая пристать к Афону пароходам. Отец Антоний вспоминал: «9 января около захода солнца показался дымок парохода, шедшего из Кавалы и который должен был отвезти меня в Салоники. Но в это самое время прибыл из скита отец Константин и передал мне всеобщую просьбу братии возвратиться в обитель и не оставлять её в это трудное время... Господу угодно было так удивительно удержать меня на Святой Горе от предпринятого мною отъезда необычайной бурей».

Как только отец Антоний прибыл в скит, то сразу же направился в храм, где должен был проходить общий собор братии монастыря. Тогда же впервые

после короткой встречи летом 1912 года встретились отец Антоний и отец Давид, проводившие замкнутую жизнь.

На соборе братия составила обращение в Св. Синод о смене игумена, под которым подписалось 300 человек – 4/5 братии монастыря. Братское заявление гласило: «Я, нижеподписавшийся, верую и исповедую, что Имя Божие и Имя Господа Иисуса Христа свято само по себе, неотделимо от Бога и есть Сам Бог, как то многие святые отцы исповедали. Хулителей и уничижителей Имени Господня отметаюсь, как еретиков, и посему требую смены игумена Иеронима». На место игумена абсолютным большинством голосов был избран архимандрит Давид, много лет подвизавшийся в затворе. Но из-за противодействия монастыря Ватопед, которому подчинялся Андреевский скит, поставление игумена затягивалось.

12 января в Ватопеде состоялся собор старцев, на который были приглашены представители Андреевского скита. Перед уходом они получили запечатанный конверт с решением Ватопеда по рассматриваемому вопросу. Конверт был немедленно вскрыт, и монахи обнаружили, что изложенное решение не соответствует тому, что было заявлено им соборными старцами. Согласно четвёртому пункту этого определения, те, кто «примут новую веру, проповедуемую отцами Антонием и Иларионом в книге “На горах Кавказа”, будут признаны еретиками, изгнаны со Святой Горы и отлучены от Церкви». Представители скита заявили, что в таком виде решение Ватопеда они принять не могут. По дороге они узнали, что в скиту за время их отсутствия ситуация ещё более

накалилась. Всю ночь иеронимовцы убеждением, подарками, обещаниями должностей и санов склоняли колеблющихся монахов на свою сторону. При этом имяборцы хвалились, что отца Давида и всех его сторонников они выгонят из скита, потому что Ватопед на их стороне. Отец Антоний позже вспоминал о тех тяжёлых минутах: «“Что же теперь нам делать?” – спросил я иноков. “Да что же больше, – ответил Божий протест и мудрец, духовник и соборный старец Сергей, – как то, что делают греки: выгоним Иеронима, и больше ничего”».

По возвращении в скит имяславцы во главе с отцом Антонием (Булатовичем) тотчас же направились в покои игумена Иеронима и потребовали его немедленного удаления из скита. Игумен не хотел добровольно сдавать позиции. Тогда имяславцы по команде Булатовича пошли в «атаку». Отец Антоний так описал события того дня: «“Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа – ура!” – и я сделал движение по направлению к игуменскому столу, но в тот же момент был окружен имяборцами, причём два атлета, отец Иаков и отец Досифей, схватили меня обеими руками за шею: один спереди, другой сзади, и начали душить. Игумен Иероним в это же мгновение протянулся через стол и нанёс мне сильный удар кулаком в левое плечо. Братия-исповедники сначала опешили и не поддержали меня, но потом, увидев, что я окружён и что меня душат, бросились выручать. Они стали наносить удары Иакову и Досифею и, наконец, пересилили их и, освободив меня, потащили их из игуменской келии. На других иеронимовцев моё “ура” произвело ошеломляющее впечатление. Некоторые

как бы остолбенели, другие бросились к окнам и стали разбивать их, чтобы выброситься в окно, до чего не допустила братия... Глава же имяборцев продолжал восседать на своём игуменском кресле, окружённый ещё не малым числом сторонников. И снова я пошёл на “ура”, и снова был встречен ударами... Наконец, когда ряды имяборцев значительно опустели, тогда один из братии, инок Марк, подошёл к игумену и сказал: “Что же вы, батюшка, до сих пор сидите? Зачем противитесь братии? Идите же наконец из кельи. Мы вас и пальцем не тронем”. Игумен Иероним послушался и вышел, но отцу Клименту не удалось пройти неприкосновенным, хотя и он вышел вместе с игуменом, ибо его хулы против Имени Господня были чересчур велики, и поэтому ему досталось несколько колотушек».

Приведём ещё одно свидетельство очевидца и участника сражения в Андреевском скиту – монаха Николая (Протопопова): «Отец Антоний вскочил на стол для того, чтобы его не задавили, так как он из себя – малосильный и небольшого роста. Первым делом сторонники игумена ухватили отца Антония за горло и начали душить, так как его считали всему делу головой, сильным в деле и на словах. Им хотелось его убить и этим погасить всё дело... В это время братия исполнилась непомерного гнева и бросилась на “ура”. Был великий бой с обеих сторон. Сперва кулаками, а потом один другого таскали за волосы. Это было чудное зрелище... И начали вытаскивать иеронимовцев из этой кучи по одному человеку в коридор, где братия стояла в две шеренги, получая добычу и провожая кого за волосы, кого под

бока и с приговором, кого за что бьют, чтобы он знал. Таким образом провожали до лестницы, а по лестнице спускали, кто как угодил: одни шли вниз головой, другие спускались ногами книзу, а затылком считали ступеньки... Дошла очередь до бывшего игумена Иеронима и его келейника Климента. У первого отобрали ключи, взяли под руки и с честью стали выводить из покоев. Климент хотел укрыться под игуменской рясой, но когда вышли в коридор, Климента вытащили из-под рясы и утешались над ним все, кто хотел, как над главным виновником всего дела. На прощание он получил синие очеса и боковые награды».

В результате 18 противников имяславцев во главе с игуменом были изгнаны из скита, через несколько дней скит покинуло ещё более 30 человек. Через два дня отец Давид был вторично избран на игуменское место, причём братия отдала за него 307 подписей. Ватопед утвердил избрание нового игумена, но постановление отложил на несколько дней, сославшись на требование российского посольства.

23 января произошёл неожиданный перелом: на братском соборе Пантелеимонова монастыря в присутствии вице-консула игумен Мисаил уничтожил имяборческий «Акт об исповедании веры во Имя Божие» от 20 августа 1912 года и поставил свою подпись под исповеданием иноков-имяславцев, а из монастыря были удалены 8 активных противников имяславцев. В монастыре это событие было отмечено как долгожданная Пасха – весь день раздавался непрерывный колокольный звон, монахи со слезами целовались, приветствуя друг друга пасхальными словами: «Христос воскрес!»

Победа имяславцев на Афоне была лишь временным затишьем перед надвигавшейся бурей. В защиту имяславцев выступил епископ Саратовский Гермоген, но его немедленно исключили из состава Синода и заключили в Жировицкий монастырь со строгой изоляцией под надзор настоятеля монастыря.

Религиозные волнения в русских монастырях, по свидетельству действительного статского советника П.Б. Мансурова, посетившего Афон в марте 1913 года, «достигли высшей точки возбуждения, рознь между монахами наблюдается не только в Андреевском скиту, но и во всех русских монастырях на Святой Горе».

В марте 1913 года на пятой неделе Великого поста на Афон прибыл знаменитый синодальный миссионер схиигумен Арсений (Алексеев). Он был уполномочен Синодом уяснить русским монахам вопрос об Имени Божием и водворить мир между спорящими сторонами в обителях Святой Горы.

Игумен Арсений осенью 1905 года стал одним из организаторов Союза русского народа (в дальнейшем он нередко подписывался «главный учредитель Союза русского народа»). Вскоре после его создания 23 декабря 1905 года государь Николай II принял депутацию Союза. В её составе на приёме был и игумен Арсений. Сказав краткое приветственное слово, он поднёс императору икону Архистратига Михаила. Но самое главное, воспользовавшись случаем, он передал государю свою брошюру «Выписи тяжких ересей, от которых погибает Церковь и государство наше». В этой брошюре он сообщал, что разослал эти выписи ересей всем архиереям и столичному духовенству, а в

ответ – молчание. Более того, ему запретили проводить собеседования в Михайловском манеже. «От чего невольно приходится думать о них: православные ли они и знают ли они своё Православие, и веруют ли в Бога, и признают ли они загробную жизнь. По истине теряешь веру в их религиозность», – писал он в те годы. Игумен Арсений утверждал, что «столичные учёные пропитались западным учением, так что нет надежды к их исправлению», что «все эти наши новомодные богословы превратились, по слову Спасителя, в ту обуявшую соль, которая подлежит извержению, как ни на что не пригодную». Не щадя самолюбия влиятельного столичного духовенства, он называл их «нечестивцами» и заявлял, что только «ради их грехов и изливает Бог свои фиалы на нашу Россию». Таких резких оценок игумену Арсению простить не могли. Вскоре последовали репрессии Синода – 1 февраля 1906 года был опубликован указ о ссылке игумена Арсения в Соловецкий монастырь.

После того как почил о Господе праведный Иоанн Кронштадтский в 1909 году, игумен Арсений и сам почувствовал близость своего переселения. Он возжелал закончить дни своей многотрудной жизни на Святой Горе Афонской, в связи с чем подал в Синод прошение разрешить ему уехать на Святую Гору. Синод принял это прошение в надежде, что от лица Синода, силой своего слова, бывший синодальный миссионер добьётся прекращения спора об Имени Божиим и наведёт порядок в двух русских обителях. Отцу Арсению до отъезда не довелось расследовать и узнать правду об Имени Божиим.

О прибытии игумена Арсения на Святой Афон весной 1913 года иеромонах Паисий писал: «Дивный промысл Божий призвал своего раба отца Арсения на Афон в самое нужное время. В эти дни имяборческая ересь была там в самом разгаре, вторглась во Святую Гору Афон царица погибели, о чём ещё в 1813 году предсказывал являвшийся из загробного мира преподобный Нил Мироточивый. По своему служению в звании синодального миссионера вращаясь в синодальном кругу, отец Арсений об афонском волнении слышал, но не знал сущности спорного вопроса – его корней и причин, которые тщательно скрывались от православного мира. Архиепископ Антоний (Храповицкий) по своему злонравию извращал истину в вопросе об Имени Божием, обливая имяславцев грязью...

Знаменитый миссионер-проповедник, обладавший даром знания Божественного Писания и силой слова, отец Арсений был уверен, что поразит ересь, вразумит заражённое ересью андреевское братство, примирит братию с игуменом Иеронимом и к Святой Пасхе этого страдальца-изгнанника введут обратно в обитель. А после этого и половина пантелеимоновской братии, заражённая ересью, раскается, и в обитель вернутся мирный строй и благодущие...

Отец Арсений прибыл в Андреевский скит в Вербное воскресенье, где произнёс поучительное слово о высоте и глубине Божественного Писания, прикасаться к которому и толковать по произволу необразованного ума не должно, но только по руководству святых отцов Церкви поучаться в нём. На другой день, в Великий понедельник, после повечерия, игу-

мен Арсений вторично выступил с поучительным словом о Божественном Писании и подвёл речь к тому, что часть братии, по своему невежеству, извлекли из Божественного Писания пагубные понятия об Имени Божиим и возвели Его в четвёртое лицо Божие. Отец Арсений, положительно не зная сути дела и причин возникшего вопроса об Имени Божиим, держался стороны, враждебной истине. Подводя конец своему слову, обращённому к нам, отец Арсений заявил о своём полномочии от власти Св. Синода раскрыть гибельность нашего заблуждения, привести нас к примирению с изгнанным игуменом Иеронимом, испросить у него прощение и с честью ввести игумена в обитель, чтобы наступающий праздник Святой Пасхи праздновать в мире и любви древнего иночества Святой Горы Афонской. При этих заключительных словах к старцу-проповеднику подошли два наших старших отца, защитники славы Имени Божия, с протестом его решению и указали ему, что, не зная сути вопроса, не выслушав другую сторону, он решился на действия, неприемлемые для нашей стороны. Но отец Арсений не стал слушать наш протест и решительно заявил: “Завтра, в Великий вторник, идём к мученику-исповеднику игумену Иерониму и введём его обратно в обитель”.

С этими словами он спустился с амвона и направился к выходу из собора в свой номер на архондарик. Опускаясь по ступеням паперти собора, игумен Арсений хотел что-то сказать сопровождавшим его под руки, но язык неожиданно перестал повиноваться ему. Снова и снова с усилием напрягаясь, он хотел что-то произнести, но язык замер. Несколько

минут назад проповедник с присущей ему миссионерской ревностью произнёс обличающую имяславцев речь. А теперь, непонятно почему, язык проповедника связался и уста замкнулись. Онемевший отец Арсений вошёл в свой номер и заперся внутри его на ключ.

На следующий день отец Арсений рассказал о себе следующее: “Вчера, после моей речи в скиту, при выходе из собора, вдруг связался мой язык. Замкнувшись на ключ в номере, не ощущая в себе никаких телесных недугов, я онемел. Намеревался умиротворить вашу обитель возвращением игумена Иеронима, а сам и слова не мог произнести миротворного. Припоминая обстоятельства вашего обращения ко мне с неотразимым протестом, я всё-таки упорно настоял на своём намерении. Уж не согрешил ли я этим? Этим и выяснилась причина моего онемения, как чудесное вразумление Божие”.

В это же утро Великого вторника, узнав от пришедших к отцу Арсению старших отцов коренную причину возникшей брани, он сказал им: “Сегодня, после повечерия, буду говорить слово в защиту славы Имени Божия”. Лицо отца Арсения сияло радостью. Он пришёл в собор к Великому повечерию и стоял в святом алтаре. По отпуске повечерия он вышел на амвон для произнесения слова: “Честнейшие отцы и братия, начиная слово во славу Имени Божия, начинаю его покаянием. Припадаю к Господу Богу моему, ведающему наши сердца и утробы, приношу искреннее раскаяние за вчерашнее слово и молю Его благостыню, да простит мне милостиво это моё согрешение. Говорил я вчера слово по неведению

истины дела и положил намерение выполнить данное мне поручение по воле власти земной. Но власть Небесная, надзирающая все наши пути, возбранила и не допустила меня до совершения противобожного насилия, и чудесным вразумительным знамением на мне – внезапным связанием моего языка, глаголавшего неправду, – просветила и уяснила мне истину. Уразумев истину Откровением Божиим, всем моим существом я тотчас же и обратился к ней и молю Бога о прощении содеянного вчерашнего греха, по моему неведению, а вместе с тем приношу благодарение Богу, что не попустил мне пасть в бездну погибели – в ересь имяборческую”».

«Отец Арсений, как выдающийся и передовой синодальный миссионер, – писал иеромонах Паисий, – был известен епископам всех епархий России и был у них в большом почёте. Среди них были некоторые, питавшие к нему чувства особенной дружбы и братской любви о Господе, например: епископ Феофан Полтавский, епископ Михей Архангельский и другие. Каждому из этих друзей своих он письменно изложил сущность возникшего вопроса во Святой Горе Афонской, пророчески наименовал его грозным, ибо последствие его угрожает не только восколебать землю, но коснуться и мира Небесного... Его друзья епископы, получив предуведомление своего прозорливого духовного брата, прекрасно уразумели истину и немедленно присовокупились духовно к афонским защитникам славы Имени Божия».

Отец Арсений выпустил к верующим православным христианам особое, напечатанное в частной газете Св. Синода «Колокол» следующее обращение

от имени созданного им в апреле 1913 года Союза Архангела Михаила и исповедников Имени Божия: «В последнее время появилось на Святой Горе злочестивое учение, утверждающее, будто Имя Божие не есть Бог и именующееся “имяборчеством”. Злоучение сие весьма быстро распространилось среди афонских иноков, а также в России среди православных всех сословий. В противовес имяборчеству предлагается святоотеческое учение об Имени Божиим в следующих шести пунктах:

1. Исповедую, что Бог неотъемлемо присутствует в Своём Имени Иисус.

2. Исповедую, что Имя Иисус есть Бог, то есть Имя от Бога не отделяя и считая, что то и другое нераздельно.

3. Исповедую, что Имя Иисус есть Богоипостасное и относится равно и к человечеству, и к Божеству Его.

4. Исповедую, что Имя Иисус, вследствие присутствия в нём Божества, всесильно творить чудеса и знамения и спасает призывающих и надеющихся на него; и что чудо исцеления хромого апостолом Петром, вопреки незаконному учению инока Хрисанфа и подобных ему, соделалось Божественной силой Имени Господня, как он и сам, апостол Пётр, исповедал сие (Деян. 3, 16).

5. Исповедую, что Имя Иисус нисколько ни меньше и не больше других Имён Божиих, как то: Господь, Саваоф, и других Имён, коими Бог именовался во вся веки от начала бытия мира, а равночестно всем им.

6. Отрицаюсь я тех, кои Имя Иисус не считают Богом и считают меньшим прочих Имён Божиих и что оно аки бы не предвечно, но лишь не столь давно наречено Ангелом.

Все лица, принадлежащие к Союзу, ни в чём не должны сообщаться с имяборцами, еретиками и сектантами... Союз этот чисто духовный, поэтому никаких особых обязательств, денежных взносов и каких-либо ограничений не устанавливает, собраний и прочее не назначает, администраций и прочее не избирает и не устанавливает. Но всякий член сего духовного союза, исповедующий сии шесть пунктов пред Господом и людьми, именуется “Исповедником”».

Значение присутствия на Афоне старца Арсения отец Антоний (Булатович) описывает следующим образом: «Этот великий старец прибыл в марте 1913 года на Афон с письмом от обер-прокурора Саблера и намерением обратить на путь истины заблудившихся якобы иноков-имяславцев; таковыми представлял он их себе благодаря тем толкам, которые распространяли имяборцы: будто имяславцы “выдумали себе нового бога”: “Иисус”, – и этому богу поклоняются и бунтуют против своего начальства. Немедленно по прибытии на Афон отец Арсений стал собирать иноков на общие беседы и говорить проповеди, убеждая иноков покориться их игуменам, исполнить долг послушания и отстать от заблуждений. Но из возражений иноков он вскоре убедился в том, что сущность дела совсем не такова, как он её себе представлял; что возникший спор имеет громадное значение для Православия, что правда на стороне имяславцев, и, убедившись во всём этом, он не только

решительно переменял фронт, но... в порыве ревности своей предал даже анафеме имяборцев и оставался столь твёрд в исповедании Божества и Божественной силы Имени Господня, что предпочёл умереть без напутствия Святыми Тайнами, нежели согласиться с требованием архиепископа Никона отречься от Божественности Имени Господня». За это старец Арсений по своей кончине был зарыт имяборцами как еретик за оградой Андреевского скита в чаще лесной.

По словам иеромонаха Паисия, «отец Арсений успел перед смертью 20 августа 1913 года пророчески открыть нам заголовок своего таинственного грозного видения: “Гнев Божий грядёт на вселенную, земля обольётся кровью”. Само видение он обещал открыть нам после повечерия. Но после оглашения сего заголовка в обещанное время уста его замолчали навсегда».

В начале 1913 года в борьбу против имяславия включается ещё один влиятельный иерарх, член Синода и Государственного совета епископ Никон (Рождественский). Он направляет на Афон послание, в котором призывает святогорцев отказаться от чтения книги «На горах Кавказа», «послужившей причиной разномыслия в великом деле иноческом». В свою очередь святогорцы-исповедники посылают епископу Никону открытое письмо афонцев, содержащее слова, смысл которых станет понятен лишь много лет спустя после происшедшей на Афоне трагедии: «Военная история много представляет примеров, когда в ночной темноте защитники своей родины вместо неприятеля, по роковой ошибке, вернее, из-за плохой разведки расстреливали друг друга, пока утренняя заря

не обнаруживала страшной катастрофы. То же самое ныне происходит и у нас: Св. Синод осуждает на изгнание и попускает совершиться полному произволу над лицами, для которых единственная цель в жизни – сохранить Православную веру в неприкосновенной чистоте апостольского и святоотеческого учения...

В жертву сему они приносят свою жизнь, знания, средства, всё, что имеют. Даст Бог, пройдёт ночь пристрастного недоумения, воссияет солнце Божественной Истины, и все поймут, что не в том направлении посылались убийственные стрелы, где находился истинный противник Православной Церкви, и что православные расстреливали своих собственных по Бозе ревностных чад».

...«Что-то грозное, стихийное, как тяжёлые свинцовые тучи, навалилось непомерною тяжестью над некогда светлым горизонтом Православной России. Не раз омрачался он: тысячелетняя жизнь нашей Родины не могла пройти без бурь и волнений в области духа, но корабль Православия, водимый Духом Святым среди явившихся косматых волн, смело и уверенно нёс Россию к цели её, намеченной в Предвечном Совете», – пророчески писал в начале XX века духовный писатель Сергей Нилус...

18 мая 1913 года Св. Синод выпускает послание за № 4183, в котором лживо выдаёт в качестве учения Православной Церкви ересь имяборчества. Синодалы этим богоборческим посланием открыто отрицали слова апостола Петра: *Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян. 4, 12). Синод утверждал, что «Имя

Божие есть только имя, а не Сам Бог, и не Его свойство; название предмета, а не сам предмет, и потому не может быть признано или называемо ни Богом (что было бы бессмысленно и богохульно), ни Божеством».

В своём послании Синод в резкой форме осудил учение имяславцев и постановил: «Книгу “На горах Кавказа”, как дающую основания к неправым мудрованиям, “Апологию” отца Булатовича и все прочие книги и листки, написанные в защиту новоизмышленного учения, объявить осуждёнными Церковью, из обращения среди братий монастыря изъять и чтение их воспретить.

Если же будут и после сего упорствующие приверженцы осуждённого учения, то, немедленно устранив от священнослужения тех из таковых, которые имеют посвящение, всех упорствующих, по увещании, предать установленному церковному суду, который при дальнейшем их упорстве и нераскаянности лишит их сана и монашества, чтобы дурные овцы не портили всего стада».

Синод в своём послании настолько резко отделил энергии Божии от сущности Божией, что вообще отказался признавать энергии Богом. Соборное постановление Поместного Константинопольского собора 1351 года анафематствует тех, кто отказывается признавать энергии Божии «Божественностью» (или «Божеством»), и потому в синодальном послании 1913 года энергии «Божественностью» признаются. Однако делается неожиданный ход: заявляется, будто «Божественность» не есть Бог, кроме того случая, когда этим словом обозначается сущность Божия.

В послании Св. Синода написано: «Главное же, допускать (вместе с отцом Булатовичем), что самым звукам и буквам Имени Божия присуща благодать Божия или (в сущности, то же самое) что Бог нераздельно присущ Своему Имени, – значит в конце концов ставить Бога в какую-то зависимость от человека, даже более: признавать прямо Его находящимся как бы в распоряжении человека. Стоит только человеку (хотя бы и без веры, хотя бы бессознательно) произнести Имя Божие, и Бог как бы вынужден быть Своею благодатью с этим человеком и творить свойственное Ему. Но это уже богохульство! Это есть магическое суеверие, которое давно осуждено Святой Церковью. Конечно, и отец Иларион, и все единомышленники с ужасом отвернутся от такого хуления, но если они его не хотят, то должны усомниться в самом своём “догмате”, который необходимо приводит к такому концу».

Здесь уместно привести письмо иеросхимонаха Антония, написанное в декабре 1912 года священнику Павлу Флоренскому. В нём выражается благодарность за сочувствие «великому Церковному делу» защиты Имени Божия, однако отец Антоний критикует мнение отца Павла о том, что сами звуки Имени Божия есть Бог. В частности, он пишет: «Вы высказываете мысль, что Имя Иисус есть Бог вместе со звуками Его... Звуки по строению своему ни суть, ни существо, ни вещество, но дрожание воздушной волны, следовательно, о преложении* его колебания во Христа едва ли может быть речь. Наконец, звуки не суть принадлежность, необходимая Имени Господня

* То есть превращении, изменении.

и вообще слова, ибо слово действует в уме и беззвучно. Поэтому я скорее склонен смотреть на звуки так же, как на буквы, то есть как на условные знаки. Но Истина Божия во Имени есть Сам Бог по существу, как словесное действие Божества... Конечно, звуки гласа Божия, как, например, на Фаворе и на Синае, суть Бог, ибо суть действие Его. Но наши звуки нашего голоса едва ли можно признать Богом, хотя они и воспроизводят звуки Имени Божиего, ибо они суть действия человеческого голоса». Как данная идея, так и вообще весь строй богословской мысли заставляют говорить о том, что Флоренский стоял на совсем иных позициях, чем отец Антоний (Булатович).

Сам отец Антоний, разбирая текст послания Синода, писал: «В послании Св. Синода к инокам от 18 мая 1913 года, которым он осудил мою книгу и книгу схимонаха Илариона, Св. Синод высказал такие мнения об Имени Божиим, которые сами суть явная ересь.

Во-первых, Св. Синод признал, что Имя Божие есть лишь “свято” – наравне со святыми иконами, но такое определение противоречит православному катехизису, в котором Имя Божие признается *святым самом в себе*, то есть “святым по существу” и Богом по природе.

Во-вторых, Св. Синод в своём послании говорит, что Имя Божие недействительно в таинствах; однако у святых отцов мы встречаем непреложное свидетельство в пользу того, что таинства освящаются Именем Божиим. Также и архиепископ Никон несколько лет тому назад признавал это в своих сочинениях и писал: “Имя Божие всегда свято. Им совершаются наши

спасительные таинства; им запечатлевается верность наших клятв и обещаний. Им поражаем врагов видимых и невидимых. Имя Божие есть то же, что непостижимое существо Божие, открывающее себя людям” (Троицкие листки, т. 5, изд. 1899).

В-третьих, в Синодальном послании высказывается ещё следующая еретическая мысль, будто евангельские слова суть лишь слова апостолов о Боге, а не живые слова Божии, но этому противоречат слова Самого Спасителя, Который сказал о словах Своих, возвещённых людям, следующее: *Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь* (Ин. 6, 63). Не надо быть богословом, чтобы ясно увидеть, сколь высказанные Св. Синодом мнения противоречат исконному учению Православной Церкви».

Религиозный философ В.Ф. Эрн* писал в то время, что книга схимонаха Илариона «На горах Кавказа» не вносит ничего принципиально нового в святоотеческое понимание Имени Божия. Более того, у Илариона вообще нет «своих» слов: он главным образом пересказывает слова и мысли общепризнанных учителей Церкви, святых и подвижников. Новым моментом в книге схимонаха Илариона является та настойчивость, с которой в ней выдвигается на первый план сила, могущество и спасительность Имени Божия. В этой настойчивости, считает Эрн, есть «какая-то огромная, внутренняя значительность, что-то провиденциальное и относящееся к самым глубоким потребностям современной религиозной жизни».

* Эрн Владимир Францевич (1882–1917) – известный православный религиозный философ.

Говоря о содержательной стороне послания, Эрн, прежде всего, отмечает: «Первая черта богословствования Синода – это бросающееся в глаза отсутствие богословской мысли... Никакого исследования по существу вопроса об Имени Божиим мы в послании не находим. Второй чертой нельзя не признать определённо светский характер всех его рассуждений. В своих контраргументах Синод опирается не на святоотеческую мысль, не на мысль святых и подвижников, а на некую философию придуманную; причём философия эта, естественно, не нуждается ни в каких обоснованиях, ни фактических, ни логических. Достаточно кивнуть в её сторону, даже не называя её по имени, чтобы всё сразу делалось ясным и, главное, твёрдо установленным. И вот, опираясь с полнейшей и твёрдой уверенностью на “философию”, составители послания, прежде всего, хотят представить себя людьми необычайного просвещения, безусловно, идущими в уровень с “веком”, своих же противников выставить любителями мрака и невежества... Если причиной волнений было только невежество, то почему же Синод отнял возможность у всех кандидатов, магистров и докторов российского богословия дружным хором, по всем журналам, со всех кафедр, со всех амвонов унять невежество низшей братии и потушить начавшийся пожар многоводной рекой блистательной богословской учёности и богословского всеведения. Тогда бы вышло всенародное торжество российского духовного просвещения... Не показывает ли явно прозвучавший голос некоторых высокопросвещённых российских богословов, что, допусти Синод свободное и беспрепятственное созревание соборного

мнения Русской Церкви об Имени Божием, – всё наипросвещённейшее в России подало бы руку простецам-афонцам и вместе с ними восстало бы против того господствующего у нас духовного полупросвещения, которое является и полухристианством, полуцерковностью, полуправославием? И не этого ли испугался Синод? Не от того ли сначала запретил исследовать вопрос об Имени Божием, а потом, только себя одного не лишив голоса, преподнёс верующим полемическое философствование двух иерархов и одного преподавателя духовного училища?»

В послании Синода и в докладах, которые были положены в его основу, Эрн видит непоследовательность, выражающуюся в наличии в нём взаимоисключающих положений. С одной стороны, настойчиво проводится мысль о номинальности Имени Божия, о том, что оно является продуктом человеческого сознания. С другой стороны, говорится: «Имя Божие свято и достопоклоняемо»; оно «божественно, потому что открыто нам Богом». Если Имя Божие условно и номинально, отмечает Эрн, то оно не может быть святым и Божественным; если же оно Божественно и открыто нам Богом, то оно не есть наша умственная продукция, не может быть мыслимо как элемент нашего мышления: «Если Имя Божие открыто нам Богом, то это прежде всего значит, что Имя Божие есть не одна из многочисленных данностей нашего сознания, а безусловный дар свыше, открывающийся нашему сознанию не как нечто ему принадлежащее и им имеемое, а как некое непостижимое и неподвижное действие Божественной щедрости, разрывающее мрак нашего эмпирического греховного сознания

и всех категорий его явлением неизреченного и существенного света Самого Божества».

Разбирая аргументы Синода против учения имяславцев об Имени Божиим, Эрн приходит к выводу о том, что они «оказываются сотканными либо из сплошных недоразумений, либо из прямых искажений Богооткровенного учения». Крайне несостоятельным представляется Эрну, в частности, аргумент о том, что признание Имени Божия Богом ставит Бога в «зависимость от человека»: «Сила и свойства, как Святых Даров, так и святейшего дара Имени Божия – совершенно объективны, и ни от каких субъективных условий, ни от какой человеческой душевности не зависимы. В силу этой самой независимости, коренной и Божественной, и получается та видимая “зависимость”, которой напрасно искушается Синод, грубо её толкуя и не разумея тонкой силы вещей духовных. Именно потому, что Имя Божие, так же как и Кровь, и Тело Господни, есть безусловный дар, и ни в какой степени не есть оно данное человеческого сознания, ни одно из его созданий, именно поэтому Имя Божие, так же как Святые Дары, доступно каждой душе и открыто перед всяким сознанием, независимо от его нравственных и душевных свойств».

Аргумент о том, что имяславское учение об Имени Божиим ведёт к «механике повторения» молитвы Иисусовой, также представляется Эрну несостоятельным. Имяславцы, подчеркивает философ, ничего не говорят о механическом повторении молитвы. У отца Антония (Булатовича) встречается мысль о том, что «хотя и не сознательно призовёшь Имя Господа Иисуса, то всё-таки будешь иметь Самого

Господа в Имени Его со всеми Его Божественными свойствами». «Но ведь между несознательностью и механикой нет ничего общего, – пишет Эрн. – Глубины бессознательности – это глубины неисповедимой человеческой души, созданной по образу Божию. Мы знаем, что очень часто человек в своих бессознательных свойствах и в “тайных воздыханиях сердца” бывает бесконечно выше, глубже и чище своего сознания. Мы знаем, что нередко в глубине бессознательности у человека теплится вера в Бога и тоска по правде Его, когда всё сознание его заполнено враждой против Бога и убеждённым отрицанием Его. Поэтому, если и несознательно призовёшь Имя Господа Иисуса, если сердце тайным движением и по тёмному инстинкту потянется ко Христу и заставит уста призывать спасительное Имя Его, в то время как сознание, увлечённое потоком и суетой жизни, будет обращено совсем на другое – и тогда милосердный Господь может особенно явно коснуться призывающего Его несознательно и через несознательность его просветить Своим светом и его сознание. И тогда сознание будет спасено бессознательностью. Христианство нигде не учит, чтобы спасало только одно сознание. Бессознательность может быть спасаема сознанием, – но и сознание может быть спасаемо бессознательностью».

Наконец, Эрн ставит ключевой вопрос о том, является ли Имя Божие энергией Божией. В решении этого вопроса ему помогает сравнение Имени Божия с чудотворной иконой, сделанное архиепископом Никоном. Это сравнение, как подчёркивает Эрн, несовместимо с представлением о так называемой но-

минальности и условности имени: такое сравнение означает, что сам Никон приписывает Имени Божию некую реальность. «Чудотворная икона существует в двойном смысле: и как реальность эмпирическая, и как реальность духовная, – пишет Эрн, – если Имя Божие подобно чудотворной иконе, значит – оно действительно в двойном смысле: и в смысле эмпирического существования (в сознании человечества), и в смысле духовной реальности (как точка приложения Божественной энергии)». Впрочем, сам Эрн считает (и в этом повторяет иеросхимонаха Антония), что Имя Божие выше чудотворной иконы: «Имя Божие, как отображение существа Божия в Самом Боге – есть уже не икона, а нечто безмерно большее, не точка приложения Божественной энергии, а сама энергия *in actu* (“в действии” – лат.), в её премирной Божественной славе и (по отношению к человечеству) в благодатном и неизреченном её Богоявлении».

Св. Синод по настоянию митрополита Петербургского Владимира командирует для прекращения смуты на Афоне члена Св. Синода архиепископа Никона (Рождественского). Иеромонах Паисий так описывает прибытие посланников Синода на Святую Гору: «В 1913 году, в дни праздника Святой Троицы, приехал на Афон архиепископ Никон. Член Св. Синода, архипастырь Русской Православной Церкви прибыл к Афону на военном судне “Донец”, чтобы самым образом появления своего воздействовать на противную сторону более устрашением, нежели святительским увещанием. Пароход был при полной боевой амуниции, вооружённый четырьмя пушками, двадцатью пулемётами и ротой вооружённых боевыми винтов-

ками со штыками солдат... На третий день этот примиритель предложил нам своё учение об имени Божием, буквально повторяя то же самое, что изрыгнул иеросхимонах Алексей (Киреевский). Расширяя своё учительское слово, он говорил уже в тоне имущего власть и полномочие от Св. Синода, положительно не допуская со стороны иноков противоречия своему учению, но требуя полной покорности власти Синода. Грозно стуча о пол своим архиерейским жезлом, Никон говорил с упрёком: “Вы – невежды, тёмные, необразованные люди, должны послушать и смиренно подчиниться учителям, прошедшим высокие науки”. Он стал приводить выдержки об именах из учения какого-то немецкого учёного Макса Мюллера, говоря, что Англия и Франция так веруют, как учит Мюллер. А потом указал на древнейшую еврейскую книгу Талмуд, в которой толкуется об Именах Божиих в полном согласии с учёным Мюллером. В его руках была брошюрка синодального издания, напечатанная типографией газеты “Колокол”. Из этой брошюрки и читал Никон тексты и выдержки из жидовского Талмуда и знаменитого учёного Мюллера. Подводя к концу своё длинное слово, он обводил взором двухтысячное братство и, не встретив против себя никаких возражений, возомнил, что все покорились его властному слову и согласились с Мюллером и Талмудом, с Англией и Францией. А если так, то свою покорность должны подтвердить собственноручной подписью под текстом синодальной грамоты, чтобы тем самым ознаменовать прекращение споров об Имени Божием, а также подтвердить своё согласие с учением об Имени Божием обительских начальников

и Св. Синода. Показывая всему собранию братства печатный лист с примирительной формулой, составленной Синодом, он уже хотел сказать “аминь” и немедленно приступить к самой подписке. Но тут, неожиданно, подошли к нему старшие из имяславцев и пригласили его не к спору, а выслушать исповедание веры во Имя Божие, основанное на учении Божественного Откровения, Священного Писания и святых отцов Церкви. Никон смутился. А выступившие исповедники истины решительно отвергли все его слова против славы Имени Божия и сказали: “Нам стыдно слушать из уст русского архиерея учение, в основание которого приводится жидовский Талмуд и учение какого-то языческого Мюллера, мнение Англии и Франции – Западной Церкви. Ибо это оскорбляет самый дух нашего православного исповедания святой веры Христовой, за чистоту которой исповедники полагали души свои до самой смерти. Подписку вашу мы отвергаем как безбожное отречение от веры”.

Этими немногими словами имяславцев вверх дном опрокинулось всё длинное слово “примирителя и посредника” Никона, и пагубная подписка его не состоялась. На его лице выразилась мрачная злоба и ненависть к имяславцам, и его безсилие, так как он не имел, чем возразить против истины, выраженной имяславцами. Тем и закончились суетные попытки архиерея-талмудиста убедить имяславцев принять богохульную имяборческую ересь. Мрачный в лице, с затаённой злобой в сердце, Никон молча двинулся с амвона к выходу из собора, и опять никто не подошёл к нему за благословением архиерейским. Нанести визит в скит Святого апостола Андрея Первозванного

Никон не дерзал и мысли себе допустить, он послал в Андреевский скит свою правую руку – профессора Троицкого, который читал свою рукопись. В ней о Талмуде и Мюллере не было ни слова, но вся его рукопись была проникнута лукавством...

Закончив чтение своего лукавого сочинения, этот конь-спотыкач воочию убедился, что как андреевские, так и пантелеимоновские имяславцы, одного духа исповеднического, и стрелы, пускаемые в них посланниками вражьей кучи синодской – архиереем Никоном и профессором Троицким, – летят обратно в сердца стреляющих».

Все попытки «обращения» имяславцев успехом не увенчались, поэтому владыка Никон приступил к активному искоренению «ереси» на Афоне – с 14 по 17 июня проводилась перепись имяславцев Пантелеимонова монастыря. Согласно подсчетам консула, имяславие не поддерживали 700 человек из 1700 насельников монастыря.

2 июля было решено отправить на Афон пароход «Херсон» с целью выдворения монахов-имяславцев. К Свято-Пантелеимонову монастырю пароход подошёл к 3 июля. После этого началось изгнание имяславцев из Пантелеимонова монастыря и Андреевского скита.

Очевидец, иеромонах Паисий, описывает произошедшее следующим образом: «По прибытии войска карательной экспедиции имяславцы были лишены соборного храма. Свыше тысячи человек скорбных имяславцев вынуждены были собраться на всюнощное бдение в большом коридоре просфорни на третьем этаже большого братского корпуса. Они были лише-

ны богослужебных книг, служащим был один только иеросхимонах в епитрахили. Последний благословил начало всенощной, которая совершалась без пения, по чёткам, один громко читал молитву: *“Преподобный отче наш Афанасие, моли Бога о нас”*. Такое служение называется службой по уставу глубоких пустынных отшельников. Один громко читает, все остальные мысленно сливаются в одну молитву. Узнав о том, что имяславцы единодушно молятся, совершая всенощную по чёткам, Никон послал офицера, командира судна, немедленно гнать молящихся на пароход. Явившийся офицер приказным тоном заявил: “Довольно вам, черти, Богу молиться, идите и садитесь на пароход!” Имяславцы ответили: “Никакая власть не вправе прерывать неоконченную молитву, когда закончим её, тогда и пойдём на пароход”. И отказались идти до конца всенощной. Офицер передал это Никону. Последний ещё больше рассвирепел и приказал применить силу. Притом они щедро подпоили солдат вином. Опьянённые каратели приступили к исполнению повеления архиерея Никона. По распоряжению последнего каратели, прежде всего, применили водяную бомбёжку. Сильным напором воды из широких шлангов вышибало оконные рамы и сбивало с ног молящихся имяславцев. Целый час поливали их холодной водой. Вода текла рекой из коридора по мраморной лестнице. Имяславцы не переставали молиться: *“Преподобный отче наш Афанасие, моли Бога о нас”*. Видя, что водой не одолеть имяславцев, осатаневший архиерей приказал применить силу оружия. Снизу до третьего этажа лестница прямая. Пьяные солдаты с ружьями выстроились по сту-

пенькам лестницы до третьего этажа. Другие, чтобы не осквернить своих рук, железными баграми и крючьями хватали монахов-имяславцев, тащили их к лестнице, передавая вооружённым солдатам. Последние били мокрых имяславцев: кто прикладом, кто штыком, а кто ногами, а скатившихся по лестнице вниз, к великому удовольствию архиерея Никона, избитых, гнали на пароход. Таким образом, монастырь превратился в поле сражения: коридоры были окровавлены, по всему двору видна была кровь, смешанная с водою; в некоторых местах выстланного камнями двора стояли целые лужи крови».

А вот свидетельство иеросхимонаха Николая (Иванова), стоявшего в первых рядах монахов во время обливания их ледяной водой: «В то время – 3 июля – когда была в коридоре поливка из пожарных труб холодной водой братии, я в полном монашеском облачении и в епитрахили с иконой Божией Матери в руках во время ужасной поливки стоял впереди. Когда всех измочили, многих сбили с ног, и они в одежде с иконами и крестами лежали на полу в воде, тогда набросились на меня два офицера, которые моею епитрахилью чуть было не задушили меня. Они, сорвав с меня епитрахиль, рясу, схиму, бросили их на пол в воду и топтались по ним. Затем вырвали у меня из рук икону Божией Матери и ею два раза сильно ударили меня по голове, потом стали бить меня иконою по всему телу, я упал на пол в воду, они и лежащего меня продолжали бить и, избив до полусмерти, бросили на пол в воду и саму святую икону Божией Матери, разбивая её на мелкие части, топтали по ней ногами, а солдаты, тут бывшие, били меня

прикладами и ногами; а потом те же два офицера и ещё два солдата, приподняв меня кверху, сильно ударили о каменный пол. Я лишился чувств. Не могу определить времени моего безчувствия. Когда же я стал приходить в чувство и открыл глаза, то стал ощущать сильную боль тела от побоев, и так как я лежал в коридоре поперёк, то через меня таскали в просфорную мёртвых – убитых монахов (я заметил только двух). Когда же я стал приходить в чувство, то оказался сброшенным уже внизу во двор, около библиотеки. Опомившись немного, я с трудом поднялся на ноги и, неоднократно падавши, оттуда вышел сам, дошёл до переплётни и там, облокотившись о стол, отдыхал, дабы прийти более в чувство. В это время увидел меня монах Моисей (игуменский повар), возмущавший солдат на избиение монахов; у него была через плечо шашка офицера Мунзова. Монах Моисей, ругая меня скверными словами, подбежал ко мне, вынув из ножен шашку, и ею хотел меня зарубить, но подоспевший солдат, удержав руку убийцы, оттолкнул его с криком: “Не смей это делать” и спас меня от смерти... Когда же несли меня четыре солдата из обители, то около святых ворот я мог открыть глаза и увидел стоявшего там консула Шебунина, который говорил солдатам: “Несите его, черта, на пристань и отправьте на пароход”».

В ту ночь похоронили четверо убитых, а раненых, пострадавших от холодного оружия, было 40 человек. В Одессу на пароходе «Херсон» был вывезен 601 насельник Афона (из них монахов Пантелеимонова монастыря – 418, Андреевского скита – 183). Остаток

имяславцев числом 212 был посажен на пароход «Чихачёв» чуть позже и 17 июля был доставлен в Одессу.

Решение официальных лиц было довольно суровым: «Лица, признанные в сане и монашестве русскою церковною властью, в числе 8 были отправлены на подворье Андреевского скита. 40 человек, обвиняемых и подозреваемых в уголовных преступлениях, были отправлены в тюрьму, а остальные были направлены по проходным свидетельствам в мирском одеянии для водворения на родину по местам прописки». Указом Синода от 24 августа 1913 года иноки, не принявшие послания Св. Синода, запрещались в священнослужении и Причащении Святых Тайн.

Схимонах Иларион, узнав о приказе сжигать его книгу, был глубоко озадачен. В письме к новоафонскому духовнику иеромонаху Вуколу в мае 1914 года он писал: «Получил я, изгнанник за исповедание Имени Божия Иларион, ваше дорогое письмо и был без меры удивлён. Вы пишете от лица всех друзей моих и товарищей, чтобы я примирился с Церковью. Боже праведный! Да кто и когда меня отлучал от Церкви и за что? И в чём моя ошибка? Если то, что Имя Божие я называю Богом, то это отнюдь не моя выдумка. Целый сонм богоносных мужей единогласно, как в громогласную трубу, свидетельствуют эту непреложную истину, и в новейшее время великий муж Божий батюшка Иоанн Кронштадтский, очевидно исполненный Святаго Духа, творивший и при жизни, и теперь творящий многие чудеса и знамения, многократно с великою силою и настоятельно утверждал в своих боговдохновенных писаниях эту самую истину, что Имя Божие есть Сам Бог. Если это

есть ошибка, как вы изволите мудрствовать, то принуждайте святых отцов-чудотворцев и отца Иоанна признать, что они допустили ошибку, имея в себе Святаго Духа. Удивляюсь и недоумеваю, прости меня Господа ради, какое ужасное ослепление покрыло монахов, отвергающих Божество Имени Начальника Жизни и спасения Господа Иисуса Христа. Ну как вы теперь и кому молитесь? Как читаете Иисусову молитву? Потому она и не даётся вам, что зло мудрствуете о всесвятейшем Имени, “о нём же едином подобает спастися нам”. Конечно, скажете, Синод приказал. Да где же у вас свои-то разумы? Совсем не Синод, а два споткнувшиеся архиепископа, имеющие неограниченную власть в Синоде и от имени его волнующие всю Российскую Церковь. Верую и исповедую, что восстанет Сам Бог гневом Своим за безчестие, за унижение Имени Своего. Крепость их сокрушится от великой силы, и да познают, что Он один есть Царь по всей земле и Имя Его для верующих и любящих Его есть все равно, что Сам Он по неотделимости Имени Его от лица Его.

Живу я в далёких горах и положительно ничего не знаю и не слышу о своей книге. Вы извещаете, что сожгли. Вот это дело! Вечным огнём, если не покаются, жегомы будут те, кто дерзнул на сие. Боже наш! Какое ослепление и безстрашие! Ведь там прославлено Имя Бога нашего Иисуса Христа. Там, в книге – всё Евангелие и всё Божественное Откровение, учение о Церкви и подробное разъяснение о молитве Иисусовой! Вот так показали свою учёность монахи XX века! Это безпримерное преступление легло неизгладимо и пойдёт в вечность... Кровь стынет

в жилах, – что вы сделали? Евреи распяли Сына Божиего – плоть Его, а вы устремились истребить и само Имя Его...

Невозможно представить предела и границ сему вашему преступлению. Ну какая же может быть у вас молитва, когда само её основание, на котором она держится, предали сожжению. Такого отступления ещё никогда не было в христианском мире. Думаю, что оно не менее, как распятие Сына Божия. Железным резцом на меди оно написано в книге судеб Божиих, и едва ли можете загладить оное. Этот соблазн христианскому роду безконечен. Безчестно, позорно, преступно прикоснулись ко всесвятейшему Имени высочайшего Существа, Кому принадлежит Имя Того Самого обезчещенного. Глумитесь, ругайтесь, поносите: се ваша година и область тёмная. Придёт время – увидите, что сотворили... Восстанет правда Имени Спасова, пропадёт ложь и безчестие. Подумайте: допустит ли всеблагий Бог до того, чтобы единственное Имя, о Нём же подобает спастися, было так попрано, унижено, – никогда! Оно как и есть сидит на Престоле Славы, и поклоняется Ему всякое колено.

Вы приглашаете меня осознать мою “ошибку”, что Имя Божие – Сам Бог. Но “ошибку” эту произнёс в первый раз в России великий чудотворец отец Иоанн Кронштадтский. Как же так, если, по-вашему, это – ересь, то почему же сила Божия сугубая не оставляла чудотворца ни в сей жизни, ни в будущей?..

Разве в ереси может быть Бог? Куда вы залезли?! Но суд Божий уже идёт на сопротивная».

Схимонах Иларион скончался в 1916 году в совершенном недоумении о действиях церковной иерархии в отношении Имени Христова, имяславцев и самого себя. Похоронен отец Иларион был на Мархотском хребте Кавказских гор в урочище «Тёмные Буки» в основанном им Покровском монастыре, под Престолом храма-часовни. Панихида была совершена над его могилой на Пасху Христову.

Через год по кончине схимонаха Илариона из Синода был прислан епископ, чтобы выбросить из часовни мощи старца. Когда вскрыли могилу, то увидели тело его нетленным, и от святых мощей исходило чудное благоухание, наполнившее ароматом всю ту местность. Епископ не выполнил приказ Синода и благословил святые мощи из-под Престола перехоронить внутри часовни.

В номерах 15-м и 16-м за 1914 год журнал «Дым Отечества» поместил интервью с одним из уважаемых иерархов, свидетельствующее об отношении части русского епископата к «афонскому делу»: «Среди русских монахов имяславцы пользуются огромным сочувствием, особенно в южных монастырях. Синод знает это и всячески старается затушить афонскую распрю. Мало того, даже среди владык нет единогласия мнений: архиепископ Херсонский находит книгу схимонаха Илариона покоящейся на святоотеческих канонах, владыка Полтавский громко порицает действия наших духовных сфер, а заключённый в монастырь строжайший церковник бывший епископ Архангельский Михей открыто признаёт правильность учения отца Антония (Булатовича). Я не читаю светских газет, но для меня непонятна и

несимпатична тактика бюрократической партии духовенства, которая преследует имябожцев лишь для того, чтобы не выдать с головой архиепископа Никола и не сознаться в своих ошибках. Учение об Имени Божием нуждается в соборном решении. Это мнение, насколько известно, разделяли ещё недавно и Владимир, митрополит Киевский, покойный экзарх Грузии Иннокентий, архиепископ Донской Владимир. Мы в провинции иного выхода не видели из создавшегося тупика, но та же бюрократия в мантиях и рясах устроила вместо Собора над целым течением церковной мысли смехотворный суд, где в числе судей нет ни одного специалиста по ересям... Только открытый гласный церковный Собор может успокоить страсти и выполнить канонические требования».

Желая выслушать обе противостоящие стороны, в феврале 1914 года государь Николай II принял в Царском Селе депутацию из четырёх афонских старцев, изгнанных с Афона за исповедание имяславия: иеросхимонаха Николая, схимонаха Исаакия, схимонаха Мартиниана и монаха Манассию. В архиве священника Павла Флоренского сохранилась литография письма, в котором сами имяславцы рассказывают о своей встрече с царём: «Государь умудрил нас грешных во всех подробностях доложить Ему о гонении, Имени Христа ради, на нас, имяславцев, о лишении нас Святого Причастия, обращении нас в мирское состояние и о всех тех муках, которые мы претерпели при аресте нас на Афоне и выдворении в Россию, а также о тяжёлом житии нашем в настоящее время без святой обители. Просили мы батюшку Государя нашего повелеть по справедливости рассмотреть дело

наше и дать всем нам, инокам афонским, насильственно выдворенным в Россию, вновь соединиться в одной общей обители для дальнейшего служения Господу Богу нашему...

Наши смиренные слова были милостиво и умиленно выслушаны Государем, и дал Он нам полную надежду на скорое окончание дела и на предоставление нам, инокам афонским, в недалёком будущем святой обители».

В частной переписке с императором Николаем II императрица Александра Феодоровна называла архиепископа Никона (Рождественского) злодеем, на душе которого лежит грех расправы с имяславцами.

Отец Антоний, видя бесплодность дискуссии с Синодом, весной 1914 года направляет письмо государю с просьбой о защите: «Суд над нами обставлен так, что он не в силах вынести какого-либо справедливого решения по главному догматическому вопросу о том, есть ли Имя Божие по природе – Бог или – тварь? Есть ли Имя Божие – Божественная сила или нечто не существующее реально? Есть ли Имя Божие – освящающая в таинствах Святыня или ничто?» В письме отец Антоний предлагает создать независимую специальную комиссию из духовных и светских лиц и дать возможность высказаться обеим сторонам. В случае невозможности созыва подобной комиссии он просит дать высочайшее повеление производить суд, руководствуясь не синодальным посланием, а катехизисом, Священным Писанием и писаниями святых отцов. В завершение письма он предостерегает императора и Россию «от тех бедствий, на которые наталкивают её последние действия Синода». «Если суд Московской Синодальной конторы состоится в

таком виде, в каком он предположен Св. Синодом, – писал отец Антоний, – то это неминуемо доведёт догматический спор до такого обострения, в котором невозможно уже будет примирить мнения, но возможно будет лишь разделение, а к каким дальнейшим бедствиям это приведёт Россию, это ведаёт один лишь Бог; одно лишь нам известно, что отступление от истинных догматов навлекало на страну и на народ великий гнев Божий и тяжкие кары, от коих да избавит Царствие Господь».

В пасхальные апрельские дни 1914 года обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер получает записку, подписанную государем, где говорилось: «Душа моя скорбит об афонских иноках, у которых отнята радость Причащения Святых Тайн... Забудем распрю: не нам судить о величайшей святыне – Имени Божию, и тем навлекать гнев Господень на Родину; суд следует отменить и всех иноков разместить по монастырям, возвратить им монашеский сан и разрешить священнослужение». Однако император не вмешивался в развитие событий, предоставив решать догматические вопросы Синоду. Но уже сам факт высоко-милостивого приёма «имябожников» направил ход дел в более благоприятное для имяславцев русло.

Заочный суд всё же состоялся. Результатом разбирательства Московской Синодальной конторы стал оправдательный приговор. В ходе заседания 7 мая 1914 года Синодальная контора признала, что в исповедании имяславцев «содержатся данные к заключению, что у них нет оснований к отступлению от Православной Церкви ради учения об Именах Божиих». Св. Синод заслушал донесение Синодальной конторы от 8 мая 1914 года и, несмотря на давление импера-

тора, не согласился утвердить его. Широкой огласки в церковных кругах решение Суда Синодальной конторы не получило. Епархиальные священники продолжали руководствоваться указом Св. Синода от 29 августа 1913 года, не допуская подозреваемых в «имябожничестве» ко Святому Причастию и лишая возможности участия в других таинствах без письменного отречения от ереси.

Главный редактор газеты «Колокол» В.М. Скворцов осенью 1914 года написал в одной из своих статей: «Будучи в Киеве, я встретил близ лавры ветхих странников-афонцев в жалком положении – в рубище, дрожащих от холода, не имевших крова, ибо в монастыри их никуда не дозволено было принимать, а от мира они отвыкли... Став в группе сердобольных богомольцев, снабжавших афонцев кто грошами, кто баранками, я слышал их скорбные рассказы о злоключениях, “претерпенных от рук Никона”, – так выражались эти старцы, один из них – совершенно глухой. Настроение народа явно было за афонских изгнанников, слышался ропот на власть».

В октябре 1916 года иеросхимонах Антоний направляет второе письмо на имя императора, в котором просит назначить авторитетную комиссию для разбора имяславских исповеданий и проводит связь между многочисленными бедствиями, постигшими Россию в то время, и «похулением» Имени Господня церковными иерархами: «Не настал ли и ныне час исправить глубокую и вопиющую на небо ошибку в Афонском деле? Вспомните, Ваше Величество, как щедро наградил Вас Господь, когда Вы сломили упорство Синода в нежелании его прославлять святителя Иоанна Тобольского: в тот самый миг, как Синод

соизволил, Господь предал в руки Ваши совершенно неожиданно с малыми потерями неприступный Эрезрум, а весной, когда Св. Синод обнародовал чин прославления, начались наши неожиданно необычайные успехи на Волыни и к югу. Вспомните и противоположные совпадения: поражение третьей армии совпало с тем моментом, когда Вы изволили удостоить особо милостивой грамотой архиепископа Антония (Храповицкого), и затем, дивное дело, противник остановился тогда, когда взял Почаевскую лавру, ту самую лавру, из которой раздались первые хулы архиепископа Антония на Имя Господне, ибо там впервые были напечатаны в журнале “Русский инок” мерзкие слова о Имени Господнем, будто “верить во Имя Господне только на руку хлыстам”, которые назовут какого-нибудь “чувственного мужика – Иисусом, а бабу – Богородицею, и потом будут сваливаться в свальном грехе”... Неужели же столь благодатствованное место могло было быть Богом предано на осквернение врагу, если бы на нём не был особый гнев Божий? Ужели враг не мог быть остановлен с помощью благодати Божией хотя бы в нескольких верстах от Почаева? Но враг только взял Почаев и там остановился!..

Припомните ещё гибель военного судна “Донец”*: оно первое погибло в Одесском рейде, потопленное турецким миноносцем, не успев сделать и выстрела!..

Нынешние люди не верят в эти знамения, но Ваша жизнь так полна этими чудесными предзнаменова-

* На военном корабле «Донец» в 1913 году на Афон прибыли командированные Св. Синодом архиепископ Никон, С.В. Троицкий и другие с целью усмирения «бунта» и организации депортации русских иноков-имяславцев.

ниями, что Вы, Державный Государь, не можете не верить им.

Ваше рождение в день праведного Иова не предназначало ли это тот крест терпения, который Вам готовила судьба, и славный конец, которым вы будете награждены за Ваше терпение? Теперь промысл Божий ждёт того, чтобы предать Вам Царьград, но удовлетворите же правосудие Божие и восстановите же поруганную честь Имени Господня! Предстоит ещё упорнейшая борьба, и не только с немцами, но и по взятии Царьграда – с союзниками. Потщитесь стяжать помощь Божию и благодать».

Уже после революции отец Антоний сделал приписку на копиях двух его писем государю: «Не внял Государь благому духовному совету и духовному предупреждению. Не возымел мужества пойти в этом деле вразрез с верховными синодалами, не настоял на том, чтобы спорный вопрос об Имени Божиим получил безпристрастное, авторитетное и независимое от лицепрятия рассмотрение; и, ограничившись лишь несколькими слабыми полумерами и добившись лишь некоторого послабления в церковном гонении против имябожников, оставил в официальном похулении державное и зиждительное Имя Господне... Я не выдаю себя ни за пророка, ни за прозорливца, однако иногда и *“Саул бывает во пророцех”*, а в данном случае и мои слова оказались пророческими, ибо – “не удовлетворено было правосудие Божие”, – “не восстановлена поруганная честь Имени Господня”, и “отступление от истинных догматов навлекло на страну и на народ великий гнев Божий и тяжкие кары”, о которых я с такой болью в сердце преду-

преждед Государя, предчувствуя неизбежность их, ибо разве могло остаться безнаказанным посягательство пастырей Христовых на святыню Имени Его! Особенно знаменательно то, что переворот совершился именно в неделю святого Григория Паламы, боровшегося против Варлаама, которого мнения повторяют ныне имяборцы и пресловутое Синодальное послание. Знаменательно также, что и имя – “Волынь”, от первопастыря которой изошли первые хулы на Имя Господне, – и это имя оказалось первенствующим в перевороте, ибо весь этот стихийный переворот начат и произведён был “Волынским” полком... Имеяй уши да слышит и о той страшной каре, которой подвергся митрополит Владимир, больше всех ответственный за всё Афонское дело, как первопастырь, санкционировавший все преступнейшие действия архиепископа Никона на Афоне, согласившийся с совершенно не православными мнениями архиепископа Антония и упорно до самого последнего времени противившийся тому, чтобы Афонское дело было авторитетно пересмотрено и разобрано...

И вот, подобно Иерусалиму, распявшему Иисуса, и в России, распявшей Имя Его, – камня на камне ныне не остаётся».

Накануне созыва Всероссийского поместного собора 1917 года для многих становится очевидным, что синодальная форма управления Церковью изжила себя, как изжило себя и то богословие, на котором Синод строил защиту своих позиций. Всероссийский собор 1917–1918 годов определил, что вопрос о почитании Имени Божия не находится в компетенции Синода, но только Собора, однако соборное рассмот-

рение так и не было произведено, и дело ограничилось двумя предварительными заседаниями комиссии, которая должна была подготовить материалы для такого рассмотрения.

Новомученик Михаил Новосёлов писал в те годы: «Имяборческая стихия отравила нашу богословскую школу, нашу иерархию, наше пастырство и, естественно, отравляет всё церковное общество. Плоды отравления у всех на глазах. Ведь только слепой или зрячий, у которого лежит покрывало на очах, не видит того растления, которое проникло в нашу церковную жизнь и которое является плодом давнишнего практического имяборчества... Никто деятельно не озабочен сохранением единства веры, ибо сознание этого единства утрачено кормчими Церкви, которые сами плывут вне церковного русла, куда несёт их волна религиозной анархии...

Наступивший как будто мир оказался лишь временным перемирием, и церковная власть, уже обновлённая Всероссийским поместным собором, снова подняла имяборческий меч против насельников Святой Горы. Всероссийский поместный собор, заседавший не один месяц и занимавшийся иногда самыми второстепенными вопросами, так и не нашёл времени посвятить свои силы вопросу, выходящему, по его же мнению, за пределы компетенции Синода? Вернее, Собор, в подавляющем большинстве своих членов, был так далёк от существа вопроса, так мало заинтересован в нём, что просто “сдал его в комиссию”, чтобы спихнуть со своих плеч эту всё же неприятную мелочь, из-за которой кто-то ссорится и беспокоит членов Собора своими заявлениями и обращениями.

Ибо, конечно, если бы члены Собора разумели хоть сколько-нибудь внутреннюю значительность афонского спора, они не отнеслись бы к нему с таким постылым равнодушием. И если Св. Синод обнаружил в своё время не соответствующие серьёзности дела спешность и легкомыслие, то Собор погрешил непозволительной медлительностью, вытекающей из недомыслия. Кратко сказать, и Св. Синод, и Собор оказались не на высоте вопроса, который выдвинут был промыслом Божиим на Святой Горе Афонской...

И какой бутафорией является в наши дни “Торжество Православия” – это помпезное провозглашение единства исповедуемой будто бы нами веры “Апостольской, отеческой, кафолической, яже всю вселенную утверди”! Когда я присутствовал на этом величественном церковном празднике в текущем году и слушал громогласную анафему патриаршего архидиакона, мне казалось, что всею силою она обрушивается не на отсутствующих еретиков и большевиков, а на присутствующих иерархов-имяборцев. И я с полной серьёзностью отношу к ним же страшное пророчество преподобного Серафима Саровского, изречённое им сто лет тому назад: “Господь открыл мне, что будет время, когда архиереи земли Русской и прочие духовные лица уклонятся от сохранения Православия во всей его чистоте, и за то гнев Божий поразит их. Три дня я просил Господа помиловать их и просил лучше лишить меня, убогого Серафима, Царствия Небесного, нежели наказать их”.

Но Господь не преклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не помилует их, ибо будут “учить учениям и заповедям человеческим, сердца же

их будут стоять далеко от Меня”. Не пришёл ли уже этот предсказанный преподобным гнев Божий на нашу иерархию, а вместе с нею на всю нашу Русскую Церковь за “уклонение от чистоты Православия”!? Не за хулу ли на страшное Имя Божие иерархия наша несёт тяжёлые удары, начиная с первых дней революции? Не эта ли хула является причиной того бессилия, того как бы параличного состояния, в котором находятся наши правящие иерархи, сами сознающиеся в этой параличности, хотя и не сознающие, кажется, причины её?..

А если так, то зачем им Богодейственное, непобедимое и страшное Имя Божие, которое нужно и близко, и дорого, и опытно понятно лишь тем, для кого христианство есть “великая тайна” претворения ветхого человека в новую тварь, обожение человека через Боговселение, подаваемое чудотворящим Именем Иисусовым, таинственно вселяющимся в сердце человеческое?»

Русский философ А.Ф. Лосев писал: «Имяславие является наиболее совершенной формой выражения сущности Православия... Бог не есть имя, но Имя – Бог». Получивший в 1931 году десять лет лагерей за антисоветскую деятельность, Лосев во время допросов свидетельствовал: «Похуление Имени Божия непризнанием имяславческого учения – это есть снятие печати, которой был запечатан сатана».

Митрополит Вениамин (Федченков) в 1938 году в письме к митрополиту-имяборцу Сергию (Страгородскому) написал, что молчаливое подчинение решению Синода заставило его «вот уже 25 лет ощущать в душе предательство страха ради». В этом же письме

он утверждал, что, будучи в 1913 году в Оптиной, «лично слышал, что оптинцы внутренне были не согласны с Синодом». Задавшись вопросом, какой факт своей духовной жизни хотел выразить словами «Имя Бог есть Бог» праведный Иоанн Кронштадтский, митрополит Вениамин (Федченков) находит такой ответ: «Во всём действует Господь Бог, а не человек! Вот в чём суть!» И далее митрополит рассуждает: «Но лучше было бы добавить святого Григория Синаита: “Действующий”. Так представляется нам духовное переживание отца Иоанна: в Имени Божиим действует Сам Бог».

В 1954 году епископ Вениамин (Милов) рассуждал: «Когда мы произносим с верою Имя Божие, то мы тогда не просто произносим звук, но как бы касаемся Бога мыслью и сердцем. Произношение Имени Бога ставит нас сразу в чувство Его присутствия! Вникание в смысл библейского учения об Имени Божиим даёт право сказать, что есть какое-то однообразие двух библейских понятий: “Имя Божие” и “Сущий”. Оба они – знаки непостижимости Божества. Когда мы молимся горячо, тогда как-то исчезает сама мысль об Имени Божиим, ибо мы стоим пред Живым Божеством, пред Самою Премирною Реальностью. Таким образом, когда мы призываем Имя Божие, в нас тогда действует Сам Бог».

Святитель Феофан Полтавский учил: «Когда покроет тебя тьма окаянного – сомнение, уныние, отчаяние, смущение, тогда призови только всем сердцем сладчайшее Имя Иисуса Христа, в нём ты всё найдёшь: и свет, и утверждение, и упование,

и утешение, и покой, найдёшь в нём саму благодать, милость, щедрость, всё это найдёшь в одном Имени».

Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Дьявол, которому, ненавистно Имя Господа Иисуса Христа, как сокрушающее всю его силу, трепещет этого всесильного Имени, и потому оклеветал Его перед многими христианами, чтоб они отвергли оружие пламенное, страшное для их врага, – спасительное для них самих».

«Апостол говорит: *“Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных”* (Еф. 6, 12)... Зри, куда следует направлять стрелы или по крайней мере с какой наиболее стороны надлежит себя ограждать. И ограждай! Апостол прописал несколько орудий, но все они сильны лишь Господом. Поэтому опытные борцы духовные и передали нам: *Именем Господа Иисуса бей врагов*», – призывает святой Феофан Затворник.

Да не будут забыты слова великого святого Иоанна Златоуста, который говорит, что Имя Господне «само требует веры, ибо ничего из этого нельзя постигнуть разумом».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Спустя десятилетия после начала афонского спора русский философ и богослов В.Н. Лосский писал: «Вопрос об имяславии стоит где-то в глубине церковного сознания. Ответа (вернее, формулировки) он ещё не получил... Ответ у Церкви всегда есть, надо его услышать и выразить. Когда будет ясна формула, исполненная духовного опыта и очевидная духовно, — многие вопросы сами собой отпадут и многие сложности представятся детски простыми».

Слова русского философа вдохновили и меня искать ответ на этот вопрос. А найден он или нет, покажет время...

«Имя Господа Иисуса Христа есть сущность и действие Самой Троицостасной Истины Единосущной и Нераздельной».

Аминь!

25 января 2010 года, закончив работу «Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему дай славу», я с Ниной Бутыриной приступил к оформлению обложки книги на компьютере. На её лицевую сторону поставили лик Христа Вседержителя с самого древнего образа из ныне сохранившихся, а на весь оборот обложки многократно повторили произвольно выбранный небольшой фрагмент нимба с этой иконы. Когда в течение нескольких минут была выполнена эта операция, то перед нашими глазами предстал самый сложный орнамент, главным элементом которого было повторяющееся яйцо – символ начала, символ жизни. Позже Нина заметила, что внутри каждого яйца присутствует крест – символ спасения, символ всеобъемлющей любви к Богу и ближнему. Спаситель сказал: *Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мк. 8, 34). Вечером того же дня я показал распечатку обложки Светлане, которая помогала мне в работе над книгой. Она же увидела в центре каждого креста графическое изображение голубя – символа Духа Святаго, в исходящих от него лучах. Причём в нижнем ряду голубь устремлён вверх, а в верхнем – вниз. Это чудо мы восприняли как Божие благословение на издание книги.

Дай Бог, чтобы она стала нашей малой лептой в покаянии за грех распятия Россией Имени Божиего и началом воскресения Святой Православной Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иларион, схимонах.* На горах Кавказа. 4-е изд., 1998.
- Антоний (Булатович), иеросхимонах.* Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус.
- Паусий, иеромонах.* История Афонской смуты.
- Антоний (Булатович), иеросхимонах.* Моя борьба с имяборцами на Святой Горе.
- Антоний (Булатович), иеросхимонах.* История Афонской смуты.
- Имяславие. Сборник богословско-публицистических статей, документов и комментариев. В 3-х томах, 2003–2005.
- Святой праведный Иоанн Кронштадтский.* Моя жизнь во Христе.
- Послание Святейшего Синода. Религиозно-философский журнал Начала. 1995. № 1–4.
- Эрн В.Ф.* Разбор Послания Св. Синода об Имени Божием. Религиозно-философский журнал Начала. 1995. № 1–4.
- Письма иеросхимонаха Антония (Булатовича) святому Царю-мученику Николаю. Религиозно-философский журнал Начала. 1996. № 1–4.
- Степанов А.* Жизнеописания русских монархистов начала XX века. 2006.
- Правдолюбов А.* Апокалипсис Святой Руси.
- Забытые страницы русского имяславия. Сборник документов и публикаций по афонским событиям 1910–1913 годов и движения имяславия в 1910–1918 годах. Сост. А.М.Хитров, О.Л.Соломина, 2001.
- Антоний (Булатович), иеросхимонах.* Афонский разгром.
- Акты Константинопольского собора 1351 года против Варлаама и Акиндина.
- Святитель Феофан Затворник.* Мысли на каждый день года.
- Святитель Феофан Полтавский, Новый Затворник.* Творения.